

АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

Золушка и три её принца

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
МАТИЛЬДЫ КШЕСИНСКОЙ

Александр Широкоград

**Золушка и три её принца.
Жизнь и приключения
Матильды Кшесинской**

«Издательские решения»

Широкорад А.

Золушка и три её принца. Жизнь и приключения Матильды Кшесинской / А. Широкорад — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989981-1

Матильда Кшесинская — звезда Императорского балета, «женщина-вамп», сведшая с ума императора и двух великих князей величайшей империи мира. Её жизнь неразрывно связана с историей нашей страны в бурях начала XX века. Читатель узнает о её триумфах на сцене, закулисной борьбе в Императорских театрах, блестящих романах с августейшими особами, грандиознейших аферах Военного ведомства и тайнах русского монархического зарубежья.

ISBN 978-5-44-989981-1

© Широкорад А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кто вы, Матильда Кшесинская?	6
Глава 2. Детские годы	7
Глава 3. Романовы – их театр и их метрессы	14
Глава 4. Цесаревич, Владимировичи и Михайловичи	20
Глава 5. Красное Село	29
Глава 6. Марьяжные хлопоты цесаревича	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Золушка и три её принца Жизнь и приключения Матильды Кшесинской

Александр Широкоград

© Александр Широкоград, 2020

ISBN 978-5-4498-9981-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кто вы, Матильда Кшесинская?

После долгих лет официального забвения вновь взошла звезда Матильды Кшесинской. За последний десяток лет несколько раз переиздавались ее воспоминания. О ней пишут статьи, книги, снимают кинофильмы. Кто же она такая? Звезда русского балет – бесспорно. Но почему напрочь забыты те, с кем Кшесинская выступала на сцене, и кого современники считали звездами балета той же величины? Почему никто, кроме узкого круга любителей балета, не знает имен Ольги Преображенской, Тамары Карсавиной, Веры Трефиловой, Ольги Спесивцевой, Юлии Седовой, Елизаветы Герд и многих других? У нас чуть-чуть помнят блистательную Анну Павлову, да и то в значительной степени из-за внимания, уделенного ей советским агитпромом (книги, фильмы).

А может, помнят Матильду потому, что она была «женщиной Вамп», уложившей в свою постель наследника престола и двух великих князей?

А может, из-за того, что Кшесинская стала знаковой фигурой начала XX века, такой же, как Распутин, Азеф и Гапон?

Я думаю, что верны все три предположения, причем два последних явно перевешивают первое.

Тем не менее, современные авторы описывают жизнь Матильды как балет, таким, каким он виден из партера. Блестящий танец примы, и вот на сцене появляются принцы – один, второй, третий... Затем они уходят за кулисы, где-то злодеи убивают двух прекрасных и добрых принцев, но третий возвращается. На сцене свадебный пир. Нет, увы, жизнь Матильды – не «Золушка» и не «Лебединое озеро».

Матильду сделало знаменитой ее время. Говоря иными словами, сильная личность оказалась в нужное время и в нужном месте. Родись Распутин на пятьдесят лет раньше, он так и остался бы конокрадом. Родись в один день с Матильдой Валерий Чкалов и Юрий Гагарин, мы никогда бы не узнали об их существовании. Вспомним, как в начале 1789 года захандрил со скуки и отсутствия перспектив младший лейтенант Наполино Буона Парте. С горя он подал прошение русскому генерал-поручику Ивану Заборовскому о приеме его на русскую службу. Но, увы, Заборовский резко отклонил просьбу Наполино. Тут была и неприязнь к корсиканцам, да еще этот молокосос просил сразу чин майора. А затем в Валанс – французский Урюпинск – пришла весть о падении Бастилии. Без 14 июля 1789 года никогда не было бы ни Тулона, ни Аустерлица, ни горящей Москвы, ни острова Святой Елены, ни роскошного саркофага во Дворце инвалидов.

Поэтому я и хочу рассказать о Матильде Кшесинской в контексте ее времени.

Глава 2. Детские годы

Рассказ Матильды о своих предках удивительно напоминает рассказ Дмитрия Самозванца. В начале XVIII века умирает польский магнат граф Красинский, оставив огромное состояние малолетнему сыну Войцеху. Но его злодей-дядя решил захватить имения малыша. Злодей графоубийца подсылает к Войцеху наемных убийц. Камердинер, спасая ребенка, бежит в Париж и записывает его там под фамилией Кшесинский. Через 22 года Войцех приезжает в Варшаву и требует наследство у злодея дяди.

Были ли у дяди «мальчики кровавые в глазах» – неизвестно, но он объявил племянника самозванцем и велел гнать взащей. В итоге семейство Кшесинских стало профессиональными актерами.

Дед Матильды Ян Кшесинский с самого раннего детства отличался незаурядными музыкальными способностями и стал скрипачом-виртуозом. Говорят, что он концентрировал с самим Николо Паганини. В молодости у деда был прекрасный тенор, за что он получил прозвище «Соловей» и исполнял ведущие партии в варшавской Опере. А польский король Станислав Август называл Яна «мой соловушка». Но с возрастом голос у него пропал, и Ян перешел в драматический театр, где стал знаменитым актером. Ян дожил до 106 лет и умер от несчастного случая – угорел.

Феликс, отец Матильды, с 8 лет обучался в Варшаве хореографии у балетмейстера Мориса Пиона. Сначала Феликс занимался классическими танцами, но позже увлекся характерными танцами и комическими ролями и стал исполнять только их.

В 1835 году, в четырнадцатилетней возрасте, Феликс впервые выступил в Калише перед императором Николаем I. В это время под Калишем в честь прусского короля Фридриха-Вильгельма III устраивались грандиозные военные парады, и в связи с этими торжествами там построили театр и доставили из Варшавы самых лучших артистов.

В 1851 году Николай I распорядился выписать из Варшавы в Санкт-Петербург пять танцовщиков и пять танцовщиц, исполнявших мазурку. Среди них оказался и Феликс Кшесинский. Если же быть строго пунктуальным, то в Петербург приехал не пан Кшесинский, а пан Кржезинский. Именно так предки Матильды именовались в Польше. Но поскольку русские люди с трудом выговаривали оную фамилию, Феликс записал себя Кшесинским.

Однако во время исполнения балета «Катаджина» в Варшаве Феликс сильно повредил руку и поэтому задержался. Его дебют в петербургском Александровском театре состоялся только 30 января 1853 года. В балете «Сельский праздник» Феликс танцевал краковяк, мазурку и ра de trios со Снетковой и 1-й Паркачевой. С этого времени отец Матильды поселился в Петербурге и прожил там до самой смерти.

Отношение к мазурке в семье Кшесинских было особое. Матильда писала: «Никто не танцевал мазурка так, как это делал мой отец, который вкладывал в этот танец весь свой темперамент. Отец научил меня мазурке, и она стала неотъемлемой частью меня самой... Критики подчеркивали, что за всю сценическую жизнь отца ему не нашлось равных в исполнении мазурки. Именно благодаря ему мазурка вошла в моду в Петербурге и Москве, где до этого ее не танцевали ни в балете, ни на балах, ни при дворе».

В день именин великой княгини Ольги Николаевны, 11 июля 1851 года, в Петергофе должно было состояться гало-представление под открытым небом. Николай I, обожавший балет, очень полюбил мазурку. Поэтому на генеральной репетиции царь пожелал, чтобы на празднике обязательно исполнили этот танец. Но артисты не взяли с собой национальных польских костюмов, и Николай разрешил им выступать в костюмах неаполитанских рыбаков.

В Петербурге Феликс Иванович женился на балерине Юлии Доминской, вдове балетного танцовщика Леде. От первого брака у нее было пять детей, во втором родилось еще четверо:

Станислав, Юлия, Иосиф-Михаил и младшая – Матильда-Мария. Родилась Маля, как ее называли, 19 августа (1 сентября) 1872 года в местечке Лигово в тринадцати верстах от Петербурга.

Феликс Кшесинский не был мотом и на жалованье в императорском театре, плюс подработки, сумел купить себе у генерала Гаусмана небольшой двухэтажный деревянный дом с садом, огородом, молочной фермой и птичьим двором.

Кшесинская с любовью вспоминала этот дом и время, проведенное там: «Я очень любила проводить лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге... На высоком берегу речки Орлинки стоял роскошный двухэтажный дом, из окон которого открывался вид на окрестные поля и долины. Отец обустроил дом по-своему, обшил досками и перекрасил стены. Но главным новшеством стала большая столовая, так как прежняя была слишком мала для нашей многочисленной семьи и постоянно приезжавших гостей. От старой столовой отказались, а вместо нее отец устроил новую, просторную и светлую, с огромным столом, за которым всем хватало места.

На протекавшей внизу речке Орлинке, прямо напротив нашего дома, оборудовали пляж с купальней. Недалеко от дома находился большой огород и фруктовый сад, а за садом начинался старый густой лес, куда я часть ходила по грибы. В имении был большой скотный двор и птичник. На широких лугах косили великолепную траву для скота. Дети очень любили это время. Перед началом сенокоса готовилось традиционное угощение для косарей. Отношения с местными крестьянами сложились отличные. Крестьяне уважали отца за его доброжелательность и справедливость и переносили свои симпатии на меня. Благодаря бережливости и дальновидности отца дела шли прекрасно, и везде царили согласие и порядок. И хотя жили мы экономно, во всем чувствовался достаток. В детстве я обычно проводила лето в имении и пережила там много прекрасных дней».

Феликс Кшесинский руководил усадьбой и работой в поле и огороде, а его жена Юлия управляла домом. Кухарку и горничную Кшесинские привозили из Петербурга, а для помощи в буфетной и на кухне нанимали местных крестьянок.

Детям в Красницах жилось привольно и сытно: «Весь день мы бегали по саду, объедаясь фруктами и ягодами, а в пять вечера стол снова ломился от яств. Простокваша, топленое молоко, густая сметана, выпечка – все это мы поглощали с завидным аппетитом, устав за день от игр и беготни. В девять вечера был ужин, состоявший из двух горячих и холодных блюд. К ним добавлялись домашние маринады и соленья, ветчина, копченый сиг и различные лакомства, привезенные отцом из города. Одним словом, всего и не перечислишь».

Естественно, от такой жизни Маля за лето растолстела, и в начале учебного года учитель Лев Иванов сделал ей выговор перед всем классом: «Жаль, что такая талантливая артистка так сильно располнела».

В Петербурге семейство жило на съемных квартирах. «Мы снимали просторные апартаменты в самом фешенебельном районе города, – пишет Матильда. – У нас всегда была большая гостиная, где отец проводил занятия, которые я так любила. Из салона слышались звуки вальса или мазурки, а я, тогда совсем еще ребенок, приплясывала, как умела, в такт музыке».

В свободное от театра и уроков время Феликс любил что-нибудь мастерить, сильно преуспев в этом «малом искусстве». Настоящим его шедевром стал макет Большого театра в Петербурге. Создавая его, Феликс не упустил ни одной, даже самой мелкой детали. Декорации поднимались и опускались, как в настоящем театре, действовало настоящее сценическое освещение с маленькими масляными лампочками, а с помощью специальной рукоятки можно было производить смену декораций. После смерти Феликса его семья подарила этот макет Театральному музею Алексея Бахрушина в Москве. Туда же Кшесинская передала свой первый польский костюм, который сама сшила, когда ей было всего четыре года, а также детские балетные туфельки, в которых выступала на сцене Большого театра в «Коньке-Горбунке».

В семье Кшесинских любили детей, гостей и праздники, а самым веселым и любимым летним праздником Матильды был ее День Рождения, который торжественно отмечался в Красницах 19 августа. Феликс устраивал праздник так, что о нем долго помнили не только в окрестных деревнях, но и в соседних имениях и на дачах.

С утра появлялись крестьяне, поздравляли Малю с Днем Рождения и дарили подарки – кто корзинку со свежими яйцами или ягодами, кто вышитые крестиком полотенца, а также творог, сметану, грибы. К Кшесинским в этот день приезжали многочисленные гости из Петербурга и соседних имений. Размещали их не только в доме, но и в сарае, и на сеновале. «Помню, что как-то из озорства мы стащили лестницу, – вспоминает Матильда, – и один из гостей, решивший отдохнуть на чердаке после бурно проведенного дня, не знал, как ему оттуда спуститься».

А вечером около дома вспыхивала иллюминация и начинался фейерверк. Со всей округи к дому Кшесинских сходились люди, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

Во время праздничного ужина Феликс всегда готовил для дочери всевозможные сюрпризы, чтобы как можно больше порадовать ее. Об одном таком сюрпризе 90-летняя Матильда вспоминала с улыбкой: «Однажды отец подвесил под потолком венок из живых цветов, который во время ужина опустился прямо мне на голову. В следующий раз, когда ему захотелось повторить этот трюк, венок опустился по ошибке не голову моего несколько туповатого соседа по столу, что вызвало общий смех».

Феликс и его жена Юлия были набожными католиками. Позже Матильда вспоминала: «К Пасхе отец сам готовил куличи. Он надевал белый передник и сам месил тесто, непременно в новом, деревянном корыте. Куличей по традиции пекли двенадцать, по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из масла агнца с хоругвью. В Страстную субботу приглашали ксендза благословить пасхальный стол...»

Родители придерживались римско-католического вероисповедания, а Сочельник праздновали по старинному обычаю. Есть нельзя было до шести часов вечера, до первой звезды. Во время ужина, который был главным событием дня, в полной мере проявлялись кулинарные способности отца. Считалось, что на столе должно быть тринадцать постных блюд, каждое из которых имело свое символическое значение. Однако со временем их количество уменьшилось до семи. В числе обязательных рыбных блюд был судак по-польски, а также жареная рыба. Затем подавали два вида рыбного супа в двух супницах, которые ставили рядом с матерью, и она разливала супы. В одной супнице была уха по-русски, а в другой – по-польски, со сметаной. Польскую уху я очень любила и до сих пор вспоминаю с большим удовольствием... После ужина зажигали елку, под которую клали подарки.

Этот обычай я соблюдала всю свою жизнь, и по сей день для меня нет большего удовольствия, чем зажечь елку и раздать подарки».

Естественно, что все дети были крещены в костеле и воспитывались католиками. Забегая вперед, скажу, что Матильда в нужные моменты будет показывать себя верной католичкой, затем не менее истовой православной, но на самом деле будет относиться к религии достаточно прагматично. Равно, как она никогда не станет ни польской националисткой, ни русской патриоткой. Она будет космополиткой. Разумеется, автор имеет ввиду подлинное значение этого термина, а не тот, который придавался ему у нас в начале 1950-х годов. Волей-неволей так и напрашивается сравнение с Мариной Мнишек.

Карьера Матильды была predetermined заранее, в семье, где главной темой был балет. «Я была любимицей отца, – пишет Кшесинская. – Чувствуя мою тягу к театру и видя врожденный талант танцовщицы, он надеялся, что я продолжу славную семейную традицию и добьюсь успеха на сцене, где блистал его отец и он сам. Уже в три года я безумно любила танцы, и отец,

желая доставить мне удовольствие, брал меня с собой в Большой театр¹, где ставились оперы и балеты. Мне очень нравилось ездить туда вместе с отцом».

Одно такое посещение запомнилось Матильде на всю жизнь: «Отец взял меня в Большой театр на балет «Конек-Горбунок» и устроил в одной из закулисных лож, предназначенных для артистов.

«Конек-Горбунок», поставленный впервые Сен-Леоном 3 декабря 1864 года в бенефис Муравьевой, был очень красивым спектаклем, вполне доступным пониманию даже такой маленькой девочки, которая только начинала приобщаться к театру, но уже успела полюбить его всей душой. Отец исполнял мимическую роль Хана, одну из лучших в его репертуаре. Ему удалось создать незабываемый сценический образ. Усадив меня в кресло, отец ушел в свою уборную, чтобы подготовиться к выходу на сцену.

Я осталась одна. Вся прелесть артистических лож заключается в том, что они находятся над сценой, и оттуда можно было не только следить за представлением, но и наблюдать за сменной декораций во время антрактов. Разумеется, меня все это очень заинтересовало. Никогда не забуду, с каким восторгом я смотрела спектакль, с каким вниманием наблюдала за танцами и игрой отца, как удивлялась красочному оформлению и световым эффектам на сцене. День неожиданно сменялся ночью с ярким месяцем на небе, а потом вдруг начинал дуть сильный ветер, и разразилась настоящая буря. Все это казалось мне сказочно прекрасным, таинственным и необыкновенно увлекательным».

После представления Маля спряталась за креслом, чтобы остаться в театре до вечернего спектакля, который должен был начаться через пару часов. «Из своего укрытия я могла наблюдать, как расставляются новые декорации для вечернего представления. Ах, как мне было интересно!» – вспоминает Матильда.

А отец, смыв грим и переодевшись, спокойно поехал домой. Он был так доволен спектаклем, что позабыл обо всем на свете, в том числе и об оставшейся в театре дочке. И только когда его испуганно спросила: «А где же Маля? Что ты с ней сделал?», он, воскликнув: «Я совсем забыл о ней и оставил в театре...», помчался обратно в театр.

А в это время маленькая Маля, устроившись за креслом, с замиранием сердца наблюдала за тем, что происходит на сцене. Увидев отца, она попыталась спрятаться под сиденьем, в надежде остаться незамеченной. Но Феликс извлек ее оттуда и отвез домой.

«Теперь Большого театра в Петербурге уже нет, – с сожалением пишет Кшесинская. – Его разрушили еще в прошлом веке, а на его месте построили Консерваторию, при которой был театр. С Большим театром связаны мои первые театральные впечатления, именно там родилась моя любовь к сцене. Мое первое выступление тоже состоялось здесь. Здесь же, но уже в помещении театра при Консерватории, прошло и мое последнее выступление в России».

В восемь лет Малю отдали в Императорское Театральное училище – ранее его закончила ее мать, а теперь там учились ее брат Иосиф (Юзеф) и сестра Юлия. «Все дети проходили медицинское обследование и проверку на наличие хореографических способностей. Отбор был очень строгим и придирчивым, и принималась только часть желающих там учиться».

Училище размещалось в огромном казенном здании на Театральной улице. Оно занимало оба этажа этого длинного двухэтажного дома. На первом этаже (в бельэтаж) жили ученики-мальчики, а на втором – девочки. На каждом этаже располагались залы для занятий – с высокими потолками и огромными окнами. На первом этаже находился прекрасно оборудованный театр, в котором было только два ряда стульев. Там ставились выпускные спектакли, которые затем показывались на сцене Михайловского театра.

По правилам училища наиболее способные ученики жили на полном пансионе, а менее способные жили дома и приходили в училище только на занятия. Все трое Кшесинских были

---

¹ Большой театр в Петербурге был разрушен в конце XIX века, а на его месте построили консерваторию.

приходящими – но не потому, что их таланта не хватало для зачисления на пансион, а по специальному распоряжению, в признание заслуг их отца. Матильда пишет, что «...родители были против того, чтобы дети находились вне семьи. Им хотелось, чтобы мы были всегда рядом с ними, поэтому они сами занимались нашим образованием. Мать и отец не хотели, чтобы мы утратили связь с домом, так как считали, что самое главное – это воспитание в семье... Мы были очень счастливы, что могли жить в кругу семьи».

В первые годы учебы в Императорском Театральном училище учителем Матильды был Лев Иванович Иванов – прекрасный балетмейстер, автор несравненной хореографии второго акта «Лебединого озера» и «Щелкунчика» Чайковского, а также знаменитого чардаша, поставленного на музыку Листа. Лев Иванович сам аккомпанировал на скрипке, которую, как казалось Матильде, он любил больше своих учеников.

Главный балетмейстер Петипа всегда и все исправлял. Так, он мог взять балет Иванова и выдать за собственное произведение. Иванов преподавал вводный курс, что-то вроде балетной азбуки, что не очень интересовало Матильду, поскольку азы балетного искусства она давно изучила дома.

В классе Иванова Матильда проучилась три года, а в тринадцать лет перешла в класс балерины Екатерины Вазем, где разучивались гораздо более сложные движения. Екатерина Вазем зорко следила за своими ученицами и задерживала их после занятий, если видела, что движения были неправильными или лишенными грации. К Матильде она относилась хорошо, только иногда с улыбкой напоминала: «Кшесинская, не морщи, пожалуйста, лба, а то состаришься раньше времени». И все же Матильде казалось, что и в этом классе «не было творческой атмосферы, так как и эти движения и па я давно уже изучила, и они не представляли для меня особого интереса и не могли увлечь».

Только в пятнадцать лет, когда она попала в класс к Христиану Петровичу Иогансону, Маля не только почувствовала вкус к учению, но стала заниматься с настоящей страстью. Кшесинская обнаружила незаурядный талант и огромный творческий потенциал. Об Иогансоне она вспоминала: «Он был не только учителем, но и вдохновенным творцом-романтиком. Будучи человеком умным и очень наблюдательным, он делал весьма меткие замечания, оказавшие большое влияние на наше артистическое развитие. Каждое движение имело у него определенное значение и выражало какую-либо мысль или настроение. Именно этому он и старался нас научить».

Весной 1890 года Матильда закончила училище экстерном и как Кшесинская 2-я была зачислена в труппу Мариинского театра. Кшесинской 1-й была ее сестра Юлия, служившая в кордебалете Мариинки с 1883 года. Уже в первый свой сезон Кшесинская станцевала в двадцати двух балетах и двадцати одной опере (тогда было принято делать в оперных представлениях танцевальные вставки). Роли были небольшие, но ответственные, и позволяли Мале блеснуть своим талантом.

В старости Матильда писала о жизни в училище: «Все контакты между мальчиками и девочками были строго запрещены, и требовалась незаурядная ловкость и изобретательность, чтобы обменяться записочками или хотя бы улыбками. Во время репетиций и уроков танца классные дамы зорко следили за тем, чтобы между мальчиками и девочками не было никаких многозначительных взглядов и условных жестов. И все же нам каким-то образом всегда удавалось переброситься словом и пофлиртовать. Это давно стало традицией, и у каждой из нас был приятель, с которым мы могли пококотничать. Такая игра доставляла нам огромное удовольствие. Наши мимолетные романы и увлечения были совсем еще детскими. Однако, несмотря на все запреты и строгий, почти монастырский уклад жизни, бывали случаи, когда возникающая между учениками симпатия перерастала в настоящую любовь».

Зато летом в Красницах царили совсем другие правила. К Кшесинским постоянно приезжали гости из Петербурга, особенно много их было по субботам и воскресеньям. Любили к ним наведываться и соседи, среди которых преобладали молодые люди.

Матильда росла умной и развитой девочкой. О таких А. П. Чехов писал, что они «с двенадцати лет научились не замечать этих несносных мужчин».

О своих увлечениях Матильда вскользь упоминает в «Воспоминаниях»: «Четырнадцатилетней девочкой я стала кокетничать с молодым англичанином Макферсоном. Я не была в него влюблена, но мне нравилось флиртовать с красивым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал к нам со своей невестой, и это больно задело меня. Такого оскорбления я стерпеть не могла и решила отомстить. Выждав подходящий момент, когда все собрались за столом и англичанин сел рядом с ней, я, как бы случайно, завела разговор о том, что люблю рано утром, еще до утреннего кофе, ходить в лес за грибами.

Я с воодушевлением описала прелести ранней прогулки в надежде, что рыбка попадет на крючок. Ждать пришлось недолго. Макферсон любезно попросил разрешения меня сопровождать. Бросив взгляд на его спутницу, я секунду помолчала, а потом сказала, что не возражаю, если он получит на это ее разрешение. Это было сказано в присутствии всех гостей, и ей не оставалось ничего другого, как согласиться. На следующее утро мы с Макферсоном чуть свет отправились в лес за грибами. Он подарил мне прелестное портмоне из слоновой кости, украшенное незабудками. Подобный подарок как нельзя лучше подходил такой девушке, как я. Со сбором грибов в то утро у меня не ладилось, а под конец прогулки вообще создало впечатление, что англичанин напрочь забыл о своей невесте. После этого я стала получать от него любовные письма и цветы. Но очень скоро это развлечение мне надоело. И все же его свадьба с этой девушкой расстроилась. Это был первый грех, который я взяла на душу».

Впервые Маля вышла на сцену в первый год после поступления в училище. 30 августа 1881 года она вместе с другой ученицей Андресон на сцене Большого театра в балете «Дон-Кихот» выступили в роли марионеток, которых великан водил на шнурочках. Танец исполнялся на пуантах. «Я не испытывала никакого страха и была очень счастлива», – вспоминает Матильда об этом выступлении.

В училище девочки сами участвовали в балетных спектаклях и присматривались к тому, как танцуют балерины. «Чем старше и опытнее мы становились, тем легче нам было оценить мастерство той или иной танцовщицы, отметить все ее достоинства и недостатки и составить о ней собственное мнение, сравнить их мастерство и понять, на каком уровне находится наше».

За время учебы Кшесинской в училище балет в Петербурге начал приходить в упадок. Балерины старшего поколения уже не могли служить примером для учениц, и любовь к танцам у Матильды стала угасать. Одно время она даже подумывала о том, чтобы оставить училище. Но тут на сцене появилась Виржиния Дзукки. Она была уже немолода, но ее талант находился в полном расцвете. «Эта балерина произвела на меня огромное и незабываемое впечатление, – вспоминает Кшесинская. – После выступлений Дзукки мне казалось, что только сейчас я поняла, как нужно танцевать, чтобы получить право называть себя актрисой. У Дзукки была необычная и очень экспрессивная мимика. Каждому па классического танца она придавала неповторимое очарование и красоту, которые заставляли весь зал замирать от восторга.

Танец Дзукки был и оставался для меня вершиной балетного искусства. Благодаря ей я поняла, что в искусстве виртуозная техника должна быть лишь средством выражения, а не целью».

И с момента появления Дзукки в Петербурге Кшесинская начала усиленно заниматься, что бы стать такой же великой балериной, как она.

23 марта 1890 года в Императорском Театральном училище состоялся выпускной спектакль, на котором присутствовали Александр III и другие члены августейшей фамилии. «Еще до окончания училища я прочно обосновалась на сцене и могла блеснуть на выпускном экза-

мене... Этот экзамен сыграл решающую роль во всей моей дальнейшей жизни», – вспоминает Кшесинская.

Матильде, как лучшей ученице позволили самой выбрать танец для выпускного экзамена, и она выбрала ра de deux из «Тшетной предосторожности», которое исполнялось под мелодию неаполитанской песни «Звезда надежды». В голубом костюме, украшенном букетиком ландышей, Матильда была великолепа.

После спектакля всех учениц собрали в большом репетиционном зале. Туда же пришло все руководство, классные дамы, учителя и служащие дирекции Императорских театров во главе с И. А. Всевожским. Туда же направилась и царская семья: Александр III с императрицей Марией Федоровной, цесаревич Николай и четверо братьев императора: великий князь Владимир Александрович с супругой великой княгиней Марией Павловной, великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной и великий князь Павел Александрович с супругой Александрой Георгиевной, а также генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Николаевич с четырьмя сыновьями.

По традиции сначала представляли воспитанниц-пансионерок, а потом приходящих учениц. Но Александр III, войдя в зал, громко спросил: «А где же Кшесинская?»

Дальнейшее Матильда описывает так: «Я стояла в стороне, и такое нарушение общественных правил для меня было полной неожиданностью. Начальница и классные дамы совсем растерялись, так как они собирались представить императору двух отличниц, Рыхлакову и Скорсюк. Однако вместо них пришлось вывести меня. Я сделала глубокий реверанс, а император протянул мне руку со словами: «Мадемуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета»...

Я была настолько ошеломлена, что с трудом понимала, что происходит вокруг. Слова императора звучали в ушах как приказ. Стать красой и гордостью русского балета – вот кака мысль завладела мной. Не обмануть доверие государя и отдать этому все свои силы... Это стало для меня смыслом жизни».

После спектакля состоялся торжественный обед. Александр III усадил Кшесинскую рядом с собой. С другой стороны от Матильды он посадил своего наследника – Ники (будущего Николая II), и при этом, улыбаясь, сказал: «Смотрите, только не флиртуйте слишком».

Ники правильно воспринял совет отца, но несколько минут думал, как начать разговор. «Перед каждым прибором стояла обычная белая кружка. Наследник престола посмотрел на нее и, обращаясь ко мне, спросил:

– Наверняка дома вы не пьете из таких кружек?»

Так начался роман.

Глава 3. Романовы – их театр и их метрессы

Итак, на сцене появляется юный и красивый принц и сразу же без памяти влюбляется в Золушку. Современному обывателю, а, главное, нашей прекрасной половине ситуация кажется сказочной. Но, увы, информированным петербуржцам конца XIX века эта история казалась более чем банальной.

Дело в том, что до революции 1917 года Императорский балет представлял нечто вроде коллективного гарема для семейства Романовых. Гораздо проще перечислить великих князей, не имевших любовниц актрисок, чем наоборот. Иногда романы затягивались, и у многих великих князей создавались вторые семьи. Так, у великого князя Константина Николаевича с балериной Анной Кузнецовой было пятеро детей, получивших фамилию Князевы. У великого князя Николая Николаевича старшего от балерины Екатерины Числовой было четверо детей, получивших фамилию Николаевы. Великий князь Николай Николаевич старший был главнокомандующим русской армии на Балканах в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Бездарный полководец, он стал героем офицерских анекдотов типа: «Вещий Олег взял Константинополь и прибил щит к его вратам, а Николай Николаевич хотел прибить к вратам Стамбула панталончики Числовой, да турки не дали» и др.

Сын Николая Николаевича был тоже Николай и тоже для начала заведовал кавалерий, а потом стал главнокомандующим русской армией. Соответственно, и у Николая Николаевича младшего была своя актриса – Мария Александровна Потоцкая, примадонна Александровского театра.

Даже престарелый великий князь Михаил Николаевич на склоне лет завел роман с певичкой Фриде.

Возможно, мой термин «гарем» режет чье-то рафинированное ухо. Ну, да не я выдумал сей термин. Конечно, можно выражаться, подобно балетоманам конца XIX века, именовавшим Матильду Кшесинскую «феей Оленьего парка». Но, увы, значительный процент читателей не знает, что в Оленьем парке Версаля был гарем славного короля Луи XV, того самого, что сказал: «А после нас хоть потоп». А главное, я с пятого класса привык разгадывать шарады и недомолвки советских писателей и журналистов и читать между строк, а сейчас устал и под старость хочу называть кошку кошкой.

До 80-х годов XIX века в России существовала монополия Императорских театров. В Петербурге и Москве могли давать представления только труппы, находившиеся в государственном управлении. Все служащие в них, в том числе и женщины, находились на жаловании, а через двадцать лет службы получали пожизненную пенсию, что являлось неслыханной привилегией для русских артистов.

Дирекция управляла театральными училищами в Петербурге и Москве, а именно труппами: русскими драматическими (Александринский театр в Петербурге и Малый театр в Москве), русскими оперными и балетными (Большой, а потом Мариинский театры в Петербурге, Большой театр в Москве), французской и немецкой драматическими (Михайловский театр в Петербурге). Спектакли шли и на других площадках – в Красносельском, Каменноостровском, Китайском в Царском Селе, Эрмитажном театрах. Бюджет выделялся большой, процветало казнокрадство, плелись грандиозные интриги.

Театр в старом Петербурге – главное и почти единственное зрелище. Кинематограф проникает в Россию только в начале XX века, а пока робкую конкуренцию живой актерской игре составлял, пожалуй, только граммофон. Актеры и актрисы были популярны невероятно. Директор императорских театров тайный советник Владимир Аркадьевич Теляковский писал: «Раз один наивный человек меня спросил: «Да что же это, наконец? В Александринском театре – Савина, в Мариинском – Кшесинская распоряжается, а вы кто же?»

Я отвечал: «Директор».

– Да какой же после этого директор?

– Самый, – я говорю, – настоящий, советник тайный, а распоряжаются явные директора, но в списках администрации они, как лица женского пола, по недоразумению не записаны».

Ну а балерины в императорской России занимали специальное положение в свете с начала XIX века, со времен Авдотьи Истоминой. Любовный быт гвардейца, а на гвардию равнялся весь светский Петербург, проходил меж двух полюсов. На одном находились простолюдинки – от крепостных до мещанок. Они были доступны, а потому неинтересны. На другом – дворянки. Два тура вальса на балу, несколько разговоров один на один с девицей своего круга и альтернатива – брак или дуэль с братом confidentки. А то обиженный папаша наябедничает губернатору, а то и самому царю – и придется уходить из полка или департамента. «Любовь свободно мир чарует» в светском Петербурге только у джентльмена и актрисы, прежде всего балерины. Балерине не прикажешь, ее не просто купить, она объект желаний многих, ее надо обольстить, понравиться.

Поэтому в XIX веке в России отношение к актрисам было своеобразное. Ими восхищались, им дарили дорогие подарки. Иметь любовницу-актрису считалось высшим шиком как для гвардейского корнета, так и для великого князя. А вот после вступления в брак с самой знаменитой примадонной корнету приходилось немедленно подавать в отставку.

Вспомним роман «Война и мир». В первом его томе Пьер Безухов с пьяными в стельку Долоховым и Анатодем Куракиным в полночь собираются в гости к актрисам:

«– Едем, – закричал Пьер, – едем!.. И Мишку с собой берем...

И он ухватил медведя»².

Зато во втором томе Пьер с презрением отчитывает того же Анатоля Куракина за флирт с Наташей Ростовою. А флиртовал он, заметим, трезвый и уж конечно без медведя. И самое интересно, что Лев Николаевич писал это не с сарказмом, не для контраста! По мнению Толстого, поведение Пьера в обоих случаях укладывалось в нормы тогдашней морали.

Ну а вот пример из жизни. В столичном ресторане Кюба на Большой Морской собралась великокняжеская компания, где заводилами были великие князья братья Алексей и Владимир Александровича, причем последний был с супругой великой княгиней Марией Павловной. В соседнем кабинете веселились гости французской труппы популярного актера Люсьена Гитри. По настоянию Марии Павловны французы присоединились к великокняжеской компании. Когда Владимир Александрович поцеловал подружку Гитри актрису Анжел, Гитри попытался обнять великую княгиню. Владимир начал душить актера. Полез драться и пьяный Алексей, известный под кличкой «Семь пудов августейшего мяса». Французы дали сдачи.

Официанты вызвали полицию. Начальник полиции вошел в кабинет, и в этот момент Алексей швырнул ему в лицо блюдо с икрой. Утром о дебоше доложили Александру III. Взбешенный царь приказал в тот же день выслать из России как актера Гитри, так и великокняжескую чету.

Директору императорских театров следовало считаться с влиятельнейшей при дворе партией балетоманов. Тот же Теляковский писал: «...балетоманы, эти оберегатели и хранители настоящих балетных традиций, в то время почитались в высших сферах как люди не только серьезные и полезные, но и необходимые для дальнейшего процветания этого важного для страны искусства. У настоящего балетомана влечение к балету было основано, главным образом, не столько на любви к хореографическому искусству, сколько на настоящей, неподдельной любви к очаровательным молодым исполнительницам танцев. Это были не просто любители – это были своего рода поэты, глубокие знатоки слабого пола и особые его ценители – как на сцене, так и вне ее. Когда поднимался занавес, все балетоманы, как по мановению волшеб-

---

² Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Правда, 1978. Т. I. С. 42.

ного жезла, наводили самые разнообразные оптические инструменты на сцену и, когда попадали в точку – в сердце своей любви, на сердце их, несмотря на зрительный инструмент, можно было ясно заметить улыбку.

Со сцены ответ. Устанавливался общий любовный ток между сценой и балетоманами, и ток этот, то ослабевая, то вновь напрягаясь, продолжался во время всего действия – прерываясь временами дружными аплодисментами. Тут были и люди императорской свиты, и придворные, и генералы, вплоть до полных чином и физически, и золотая молодежь, и директора департаментов, и бывшие губернаторы и генерал-губернаторы, и отставные генералы и адмиралы, и люди финансового мира, и бывшие и настоящие рантье, редакторы и сотрудники газет, и учащаяся молодежь, и, наконец, такие профессии и происхождение которых невозможно было определить по полному отсутствию данных. Через лазейку балетоманства обделывались крупные дела. Так, например, один из балетоманов В. получил заказ на поставку железных частей для Троицкого моста в Петербурге через даму сердца другого балетомана, имевшего влияние на сдачу этой поставки. Мало того что получил, но с самыми минимальными затратами (корзиной цветов он отблагодарил балетную артистку) он нажил десятки тысяч!».

Такое внимание влиятельных лиц к театру с одной стороны увеличивало бюджет ведомства, с другой – способствовало интригам и борьбе театральных кланов. Но, кроме взаимодействия с этими достаточно влиятельными «любителями», кроме внутри театральных интриг (а, как известно, нет среды более нездоровой и скандальной, чем театральная), директора императорских театров почти ежедневно виделись с самими династиями – императором и великими князьями. Даже министры не имели возможности видеться с царем и царицами чуть ли не ежедневно.

Вот как обстояло дело в 1900—1910-е годы: «Вся императорская фамилия, начиная с государя, охотно посещала императорские театры, а в театры частные за очень редкими исключениями совсем не ездили. Государь и обе императрицы посещали почти одинаково оперу и балет, а также французский театр и несколько менее Александринский театр. То же самое можно сказать и о великом князе Владимире Александровиче, и о Марии Павловне, и о Павле Александровиче. Алексей Александрович чаще всего посещал французский театр и Александринский, менее – балет и оперу. Великие князья Сергей Михайлович, Борис и Андрей Владимировичи особенно любили балет, а Борис Владимирович еще и французский театр, так же, как и Кирилл Владимирович. Константин Константинович больше ездил в Александринский театр и в оперу, гораздо меньше в балет и французский театр. Николай Николаевич вообще редко ездил в театр и предпочитал Александринский, а в оперу ездил весьма редко. Принц Ольденбургский и его жена почти никогда в театр не ездили. Царские ложи, которых во всех театрах, за исключением Михайловского и Александринского, было по три, распределялись так: прилегающие к сцене боковые посещались особами императорской фамилии; среднюю же царскую занимали лица свиты государя, императриц и великих княгинь и прочие придворные чины.

Каждый антракт директору полагалось приходить в царскую ложу, чтобы получить разрешение на начало следующего акта. При этом государь иногда делал свои замечания по поводу постановки и исполнения пьесы, оперы или балета. Во время антрактов, когда все великие князья собирались в царской ложе пить чай, царю обыкновенно большое оживление. Все держали себя очень просто и совершенно не стеснялись присутствием государя. Многие даже сидели, когда он стоял. Многие курили, так что часто великие княгини жаловались на курильщиков и махали веерами и платками, чтобы разогнать дым. Царские фойе были комнаты небольшие, особенно при царских нижних ложах, потолок был низок и воздуха было мало, когда там собиралось много народу. Особенно не переносила жары и дымного воздуха молодая императрица. Мария Федоровна же брала курильщиков под свою защиту, ибо сама после смерти Александра III стала много курить».

Итак, роман Кшесинской с домом Романовых был не случайностью, а, скорее, закономерностью. Принцу положено было явиться, интрига была лишь в его имени.

Кстати, пора уточнить, кто носил титул великого князя. По законам Российской империи титул великого князя автоматически присваивался при рождении сына и внука императора, а дочери императора получали титул великой княжны. Если великий князь вступал в брак с представительницей царственного рода, то его супруга получала титул великая княгиня. Если же великий князь вступал в неравноправный (morganatic) брак, то император был волен дать какой-нибудь выдуманный титул, например, княгиня Палей, княгиня Юрьевская и т. д., либо вообще не признать этот брак.

Все же правнуки императора по мужской линии и внуки по женской линии получали титул князей и княжон императорской крови, но никогда не могли стать великими князьями и княжнами. Так что многочисленная компания великих князей и княгинь, обитающая ныне за границей, ничто иное, как дети лейтенанта Шмидта. Кстати, если верить Ильфу и Петрову, у бедного лейтенанта были и дочери – «глупые, немолодые и некрасивые».

Великие князья и княжны получали содержание от государства. Максимальная сумма была в 70-х годах XIX века – 200 тысяч рублей серебром в год. В некоторых изданиях приводятся и большие цифры – 280 тысяч рублей и т. д. Но это или ошибка, или содержание указано в рублях ассигнациями, реальная стоимость которых была в полтора раза меньше, чем серебром.

К началу XX века численность великих князей и княжон стремилась к двум десяткам, и финансовое содержание их было урезано. Но, в любом случае, суммы им выплачивались немалые.

Правда, на эти деньги членам царствующего дома приходилось содержать свои дворцы, именья, яхты, собственные железнодорожные салон-вагоны и прочая, и прочая. И, разумеется, тратились огромные средства на представительские расходы. Другой вопрос, что сами великие князья правдами, а большей частью неправдами пытались выудить из казны деньги на свои дворцы и яхты.

Наконец, за расходом денег любым великим князем бдительно следила его родня – родители, особенно матери, братья, сестры и др. В случае больших трат на «нецелевые нужды», в том числе на метресс, родители устраивали шалуну хорошую взбучку, а остальная родня бежала жаловаться императору. Так что очень больших сумм свободных денег у великих князей попросту не было.

Главное же – наследники Павла I были патологически скупы. Это в XVIII веке в государеву спальню офицер мог войти бедным, а то и просто нищим, а выйти оттуда богачейшим человеком России. В XIX веке времена Разумовских, Орловых, Потемкиных и Зубовых кануло в лету. У Александра I и Николая I было много десятков интрижек, но их дамы получали крохи: 100-500 рублей, а то и вообще ничего.

Александр III жил крайне скромно. В своей единственной северной резиденции – Гатчинском дворе – он занимал лишь несколько небольших комнат в правом крыле дворца. Царь неоднократно приказывал зашивать свои старые штаны и т. д. Подобной скупостью отличались Николай II и его супруга Александра Федоровна. В 20 лет, беседуя с древней бабулей «из бывших», я был удивлен, услышав: «...когда я в 1930 году посетила императорскую спальню в Александровском дворце, мне показалось, что я попала в комнату „горняшки“».

Конечно, не все так просто. И Александр III, и его сын тратили огромные деньги на строительство новых дворцов, содержание двенадцати императорских яхт, наиболее крупные из которых – «Ливадия» и «Штандарт» – равнялись по водоизмещению крейсера, но стоили гораздо дороже. Но, повторяю, в личной жизни они были крохоборы. Так, к примеру, царь лишь один раз дал Распутину 10 рублей, но старец брезгливо отказался и до конца своих дней не получил больше ни копейки от венценосной четы.

О жадности Романовых свидетельствует и одна весьма любопытная история, которую я хочу начать с конца. Дожливым февральским днем 1918 года по ташкентским улицам двигалась большая похоронная процессия. За гробом шел отряд красногвардейцев, кумачовые знамена были увиты черными лентами. Оркестр выводил: «Вы жертвою пали...» На тротуарах толпились тысячи горожан, и никто не спрашивал – «кого хоронят». Все знали: Ташкент прощается со своим князем – великим князем Николаем Константиновичем, внуком Николая I. Разумеется, большевики отдавали почести не великому князю, а старейшему в России узнику самодержавия. Николай Константинович сидел при Александре Освободителе, при Александре Миротворце, при Николае Кровавом, и лишь министр юстиции А. Ф. Керенский освободил его из бессрочной ссылки. Великий князь провел в тюрьмах и ссылках 43 (!) года, а декабристы – всего 31 год. Когда в тюрьмы стали поступать первые народовольцы, великий князь «мотал» уже 6-й год.

А началось все традиционно – с романа с американской актрисой Фанни Лир. Подобные увлечения, как уже говорилось, были нормой дома Романовых. Но Николай оказался натурой увлекающейся и посмел посягнуть на фамильные драгоценности Константиновичей. В результате и Николай, и Фанни были арестованы жандармами. За Фанни, как за гражданку США, вступился американский посол. Но шефу жандармов графу Шувалову все было нипочем, тогда к канцлеру Горчакову обратился с нотой дуайен (старейшина дипломатического корпуса). Фанни пришлось освободить и даже извиниться, а вот Николай был лишен титула и всех прав и отправлен в места не столь отдаленные.

История великого князя Николая Константиновича довольно занятная, но причем здесь наша главная героиня? А притом, что обычно связь актрисы, пусть даже талантливой, с лицом императорской фамилии приносила ей, кроме покровительства в театре, небольшой доход – несколько драгоценностей и небольшую сумму в банке. Так было с Кузнецовой, Числовой, Потоцкой и др. Их жизненный уровень соответствовал маститому профессору университета, неворующему генералу или купчихи 2-й гильдии. Ну, скажем, уровень статского генерала Ильи Ульянова позволял иметь свой дом с усадьбой в Симбирске. О собственных дворцах, поездках по железной дороге в салон-вагоне обычным метрессам балеринам мечтать не приходилось.

А что, были «необычные» метрессы? Да, были. Наиболее умные и верткие дамы соображали, что, оказывая услуги в постели членам высочайшей фамилии, можно одновременно лоббировать богатых промышленников, и в первую очередь поставщиков императорских армии и флота.

Одной из первых таких дам стала княжна Екатерина Долгорукова – юная метресса императора Александра II. Позже царь секретным указом присвоил Кате титул светлейшей княжны Юрьевской (ранее князей Юрьевских в России отродясь не бывало) и тайно обвенчался с ней.

Сергей Юрьевич Витте с иронией и брезгливостью заметил: «Эта княжна Долгорукая не брезговала различными крупными подношениями, и вот она через императора Александра II настаивала, чтобы дали концессию на постройку Ростово-Владикавказской железной дороги не помню кому: или инженеру Фелькерзаму, или какому-то другому железнодорожному concessionеру, чуть ли не Полякову...»

Через княжну Долгорукую, а впоследствии через княгиню Юрьевскую, устраивалось много различных дел, не только назначений, но прямо денежных дел довольно неопрятного свойства.

Так, после последней турецкой войны явилось следующее дело. Во время войны главным подрядчиком по интендантству была компания. Состоявшая из Варшавского, Грегера, Горвица и Когена. Они получили громадный подряд, и мне даже случайно известно, каким образом они его получили»³.

---

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. М.: Мысль, 1991. С. 83, 208.

Следующей метрессой-предпринимательницей стала французская балерина, выступавшая в Императорских театрах, Элиза Балетта. Она была метрессой великого князя Алексея Александровича, который имел звание генерал-адмирала. Директор Императорских театров князь Волконский стал выполнять любую прихоть балерины. Главное же было в другом – к Балетте устремились десятки дельцов, надеявшихся на большие заказы в Морском ведомстве.

В советское время всех великих князей у нас мазали одной краской – черной, а после «перестройки» холопствующие журналисты восхищаются их достоинствами и мудростью. Поэтому, чтобы понять дальнейших ход нашего повествования, придется посвятить целую главу личности наших главных героев – цесаревичу, великим князьям Владимировичам и Михайловичам, а также самым «хлебным» должностям Российской империи.

Глава 4. Цесаревич, Владимировичи и Михайловичи

У императора Александра III не было планов реформ ни либеральных, ни революционных, ни каких-то особых, по «русскому пути». Его правление можно охарактеризовать двумя словами: «тащить и не пущать!» Вспомним рассказы и пьесы А. П. Чехова, который, к слову сказать, не был поклонником революционных идей. Все его положительные герои живут в ожидании чего-то нового, светлого... Несколько упрощенно можно сказать, что в царствование «миротворца» вся образованная часть общества сидела на чемоданах и чего-то ждала.

Александр III, как позже его сын Николай, опирался лишь на бюрократию. У истоков самодержавия главной опорой монарха было дворянство. Вспомним поэта Волошина: «Дворянство было первой РКП» (Российской Коммунистической партией). Но при Александре III российского-то дворянства почти не осталось. «Как это так?» – возмутится современный обыватель, готовый лизать сапоги породистым представителям «голубых кровей».

Ностальгия по поручику Голицыну и корнету Оболенскому появилась у нас в 60-х годах XX века, а сейчас уже стала набившей оскомину модой. Собственно, ничего удивительного тут нет – мы копируем эволюцию французских нравов конца XVIII века. При якобинцах дворян, избежавших гильотины, травили только за то, что они дворяне. Зато через несколько лет, при Директории, началось неофициальное почитание дворянства. И, наконец, Наполеон попытался объединить старое феодальное дворянство с новым, состоявшем из конюхов, ставших маршалами, и прачек, обратившихся в герцогинь. Но, увы, эксперимент Наполеона провалился.

Как писал князь Петр Владимирович Долгоруков: «Длительное рабство положило препятствие... созданию в России аристократии; в Петербурге имеются только рабы»⁴.

Когда мы учили в 8-м классе «Смерть поэта», я не мог понять фразы: «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов». Вроде был про аристократов – и подлых, с «черной кровью» вместо голубой. Спрашивать учителя было бесполезно – раз феодал, значит «редиска», и подлый, и кровь черная.

Но вот возьмем Пушкина:

*...Я, братцы, мелкий мещанин.
Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...⁵*

Александр Сергеевич скромничал – Алексашка Меншиков не только торговал блинами и пирогами с зайчатиной, но и был в предосудительных отношениях с Петром Алексеевичем, или, говоря современным языком, примыкал к сексуальным меньшинствам. Позже Алексашка сошелся с «Мин херцем» на почве, а точнее, на теле Марты Скавронской, жены шведского солдата. Попав в русский плен, Марта за несколько дней делает головокружительную карьеру, пройдя по цепочке от простого русского драгуна до Алексашки, а затем попадает к «Мин херцу». В результате Алексашка становится светлейшим князем Меншиковым, Марта – императрицей Екатериной I, а ее чухонские родственники – графами Скавронскими.

Ваксил сапоги граф Кутайсов, правда, тогда он был не графом, а мальчиком-турком, подаренным для развлечения цесаревичу Павлу. Мальчик вырос, Павел стал царем и сделал мальчика графом Кутайсовым и вторым после себя лицом в империи. После итальянского

---

⁴ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860 – 1867. М.: Новости, 1992. С. 82.

⁵ Пушкин А. С. Моя родословная. М., 1957. Т. 3. С. 208.

похода Павел отправил к Суворову графа Кутайсова. Суворов, увидев важного вельможу, не растерялся – вызвал денщика Прошку и начал распекать его за пьянство, ставя в пример Кутайсова:

– Вот турка был таким же лакеем, но не пил, и в графы попал, а ты...

С придворными дьячками пел граф Разумовский, точнее, малороссийский свинопас Гришка Розум. Цесаревне Елизавете Петровне понравился голос Григория, а в постели они нашли у него еще ряд достоинств. С воцарением Елизаветы свинопас Розум стал сиятельным графом Разумовским.

В князя из хохлов прыгнул Безбородко, секретарь Екатерины II. Надо сказать, что Безбородко был очень способным и талантливым администратором и политиком, но, увы, происходил из простой крестьянской семьи.

Понятно, что и Пушкина, и Суворова, потомков древних родов, коробило от подобных князей и графов. Недаром Суворов во дворце Екатерины низко кланялся лакеям.

– Что вы, Александр Васильевич – ведь это же простой лакей!

– Протекцию ищущий, голубчик, сегодня лакей, а завтра граф.

Чтобы как-то выделиться из такой компании, Пушкин острит: «Я, братцы, мелкий мещанин», а князь Суворов велел на надгробном камне высечь «Здесь лежит Суворов».

Преступлений, подлостей и мерзостей не стеснялись не только новоявленные князья и графы, но и их «надменные потомки». Братья Орловы стали графами за зверское убийство в Ропше императора Петра III. Двадцатилетний Платон Зубов стал официальным фаворитом Екатерины II, которой тогда было под 70 лет, за что получил огромное состояние и графский титул.

Разврат, царивший в верхах, естественно давал побочный продукт в виде внебрачных детей. В результате появилась масса титулованных особ, у которых вообще не было родословных, они не могли похвастаться даже предками – свинопасами или пирожниками. Хорошо звучит – граф Бобринский, или графиня Бобринская. Современному плебею так и хочется поклониться. Но, увы, вся родословная их упирается в пьяницу графа Алексея Бобринского, совершенно заурядную личность, внебрачного сына Екатерины II, которого тайно воспитали в деревне Бобрики.

Если говорить серьезно, то с IX до XV века в княжеских родословных русских князей был образцовый порядок. На Руси шли усобицы, князья ослепляли и убивали друг друга, приходили с набегами печенеги, половцы и татары, но феодальный порядок соблюдался строго. Шестьсот с лишним лет во всех без исключения удельных княжествах сидели только князья Рюриковичи. В их ряды не удалось затесаться ни одному лакею, истопнику или певчому. Ни один внебрачный байстрюк не пролез в князья. Другой вопрос, что некоторые князья Рюриковичи, даже приняв христианство, имели параллельно несколько жен.

У каждого князя был свой двор. При дворе служили бояре, стольники, рынды и другие придворные чины. С легкой руки некоторых историков пошло гулять выражение «древний боярский род». Это то же, что сказать «древний генеральский род». Если папа был генерал, то сын не обязательно станет генералом. И сын боярина вполне мог умереть в чине стольника.

Великие князья и цари были вольны раздавать придворные звания. Однако и Грозный, и Михаил с Алексеем Романовыми в известной степени соблюдали приличия и не производили в князья русских бояр, не говоря уже о холопах.

К концу XIX века российское дворянство не менее чем на 80% было засорено безродными людьми. Дворянство как класс деградировало и диссоциировалось: часть его примкнула к либеральной интеллигенции, часть – к крупной и средней буржуазии.

Опереться на дворянство как класс царь, увы, не мог вопреки всем уверениям теоретиков марксизма-ленинизма. Создавать какую-либо политическую партию для поддержки само-

державия Александр III не хотел как по инерции, так и из нежелания делиться властью с ее руководством.

Александр II попытался привлечь подданных к управлению государством, само собой разумеется, в незначительных вопросах. Формально с 1864 года существовало земское самоуправление (и то, кстати, не во всех губерниях), а в городах были городские думы. Но выборы в эти органы самоуправления при всем желании нельзя назвать справедливыми. Так, земства избирались тремя группами населения: крестьянами, помещиками и горожанами. Число мест в земствах распределялось между группами соответственно сумме налогов, платимой каждой группой. Не трудно догадаться, кому принадлежало подавляющее большинство голосов в земстве.

Городское самоуправление (дума) избиралось домовладельцами. Тут не только рабочие, но и генералы, и профессора, не имевшие домов, были лишены права голоса. Замечу, что Пушкин, Лермонтов и Гоголь тоже не имели собственных домов.

Но и такое, назовем его сословным, самоуправление, решало узкий круг хозяйственных задач – устройство сточных канав, ремонт мостов на проселочных дорогах, правила содержания собак и скота, очистка отхожих мест и т. п.

Чтобы читатель представил себе разграничение полномочий властей, приведу примеры деяний Николая II в мае 1895 года: «15 мая Его Величество Император соизволил дать свое согласие на создание в больницах города Нижний Новгород четырех коек, предоставляемых старикам, на сумму 6300 рублей, пожертвованных вдовой генерала Д. г-жой Катериной Д. В тот же день Его Величество дал свое согласие на создание стипендии в Первой Казанской гимназии на сумму 5 тысяч рублей, пожертвованных вдовой дворецкого советника, а также стипендии 300 рублей за счет выручки, получаемой этим городом».

Захотел, скажем, деревенский сход или местный помещик поставить в деревне или в имении церковь – на утверждение надо посылать план постройки в Петербург на усмотрение высших сфер. Таким образом, дела, которые запросто мог решить исправник, ну, в крайнем случае, градоначальник, решались лично императором.

Итак, страной управляла бюрократия. Споры нет, на нижнем и среднем уровне, до губерний включительно, аппарат плохо, но работал. А выше центрального нормально действующего аппарата не было. Нет, я не шучу! Например, был кабинет министров, был председатель кабинета. Но, увы, министры ему не подчинялись. Почти каждый министр имел право личного доклада царю. А у царя, в свою очередь, не было своего секретариата, то есть аппарата, который бы проверял доклады министров. Готовил различные правила, указы и т. д.

Такой порядок был терпим во времена мудрой Екатерины, которая собрала вокруг себя самых талантливых людей России – Панина, Орловых, Потемкина, Безбородко и др. Но Александр III и Николай II видели в министрах лишь исполнителей своей воли.

Кто же были эти министры? О начале царствования Николая II хорошо сказал министр иностранных дел А. П. Извольский: «...можно сказать, что в течение первых пяти лет нового царствования русская империя продолжала управляться почти буквально тенью умершего императора. Увы, с моей стороны не будет преувеличением сказать, что, когда советники Александра III уступили свое место людям по выбору самого Николая II, империя совсем не управлялась или, вернее, управлялась неразумно, что мною уже было описано».

Как ни плохи были министры, но еще худший вред, чем их правление, наносило решение важнейших вопросов Николаем II с какими-либо авантюристами типа Безбородко, Абазы, Папюса, а затем Распутина.

Кстати, в системе управления обороной империи были лица, даже по закону не подчиненные Военному ведомству и Морскому министерству (или управлению министерствами). Это были генерал-фельдцейхмейстер и генерал-адмирал. Они не подчинялись непосредственно министрам, но и министры не подчинялись им. К примеру, права генерал-адмирала определя-

лись положениями от 1855, 1860, 1867, 1885 годов и т. д. То положения генерал-адмирала разграничивались с управлением Морским министерством, то управление Морского министерства подчинялось генерал-адмиралу. Где находилась линия разграничения их полномочий – никто толком не знал. Очевидно лишь одно: генерал-адмирал и генерал-фельдцейхмейстер – две самые хлебные должности в империи, через них проходили все заказы для армии и флота, от пушек и броненосцев до седел и кортиков.

Тут возникает вполне резонный вопрос, почему при таком плохом управлении в 1894-1903 годах и 1908-1914 годах наблюдался устойчивый рост валового дохода России? Причин тут много. Среди них: дурное исполнение дурных распоряжений, трудолюбивое население, готовое трудиться за жалкие гроши, энергичные предприниматели и купцы, превосходные, я бы даже сказал, лучшие в мире инженеры и ученые, и, наконец, самая богатая природными ископаемыми страна в мире. Гигантский потенциал России компенсировал и огромные хищения, и промахи властей. Значительную роль сыграла специфическая черта русского народа – инертность, или, лучше сказать, инерция, поскольку «инертность» стало чуть ли не ругательным словом. Инерция народа – вещь страшная для правителя. Ему до последнего момента кажется, что бразды правления у него в руках, а на самом деле они постепенно рвутся, и об отказе приводов управления правитель узнает, лишь когда к нему приходят с текстом отречения, а то и с удавкой.

6 (18) мая 1868 года в 15 часов 30 минут у императора Александра II родился внук Николай, сын наследника цесаревича Александра Александровича и его супруги Марии Федоровны. Этот день стал государственным праздником России вплоть до 1917 года.

Вслед за Николаем Мария Федоровна родила еще пятерых детей. Через год, 20 мая 1869 года, родился сын Александр, но через 11 месяцев он умер от простуды. 27 апреля 1871 года родился сын Георгий. 25 марта 1875 года родилась дочь Ксения, 22 октября 1878 года – Михаил, и 1 июня 1882 года – Ольга.

Третий сын, Георгий, был болен туберкулезом и умер в 1899 года, причем последние шесть лет он провел в больницах и на курортах.

Воспитателем Николая назначили генерала Г. Г. Даниловича. Для цесаревича была создана специальная программа обучения, включавшая восьмилетний общеобразовательный курс и пятилетний – типа «высшей школы». За основу взяли измененную программу классической гимназии: вместо латинского и греческого языков были введены минералогия, ботаника, зоология, анатомия и физиология. Курсы же истории, русской литературы и иностранных языков были существенно расширены. Программа «высшей школы» включала политическую экономию, право и военное дело (военно-юридическое право, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба). Также были занятия по вольтижеровке, фехтованию, рисованию и музыке.

Среди преподавателей у Николая были профессора К. П. Победоносцев, Н. Х. Бунге, М. Н. Капустин, Е. Е. Замиловский, В. И. Ключевский; генералы М. И. Драгомиров, Н. Н. Обручев, А. Р. Дрентельн, Г. А. Леер. Такой блестящий преподавательский состав должен был выпустить как минимум маститого ученого. Но, увы... Преподававший царским детям историю профессор Ключевский на вопрос об их успехах отвечал: «Николай послушный мальчик, а Михаил – умный».

Куда лучше Николаю давалась строевая служба. В декабре 1875 года семилетний Николай становится прапорщиком, в мае 1880 года – подпоручиком, в августе 1887 года – штабс-капитаном и в августе 1892 года – полковником. Служба Николая проходила в лейб-гвардии Преображенском полку и лейб-гвардии гусарском полку.

Здесь стоит сказать, не вдаваясь особенно в подробности, об отличии императорской гвардии конца XIX века от современных элитных соединений США и Западной Европы, как, например 82-я воздушно-десантная дивизия США и др. Современные элитные части отлича-

ются от остальных большим участием в маневрах, в случае локальных конфликтов они используются в первую очередь, в них проходит войсковые испытания новейшая военная техника, отрабатываются новые приемы тактики.

Русская же гвардия лишь теоретически была главной ударной силой сухопутных войск. На самом деле основным ее назначением была охрана монарха, что, впрочем, и следовало из ее названия – лейб-гвардия. Ведь, если честно говорить, то со смерти Алексея Михайловича и до воцарения Николая I включительно монархия у нас была выборной, и кому править решали вначале стрельцы, а затем лейб-гвардейцы.

Поэтому важнейшей задачей царизма было воспитание в лейб-гвардейских офицерах буквально собачьей преданности монарху. Вспомним, в «Войне и мире» пожилой полковник говорит Николаю Ростову: «Гусары должны рассуждать как можно меньше».

Начальство сделало все, чтобы круг интересов гвардейских офицеров был жестко очерчен – уставы, фрунт, лошади, спорт, балы, женщины (начиная с высокопоставленных дам и кончая проститутками), карты и вино.

Рассказывая о быте русской гвардии конца XIX века, романисту нет нужды напрягать фантазию. Все уже хорошо описано очевидцами. По словам биографа Николая II историка Грюнвальда, состоявшего в свое время в этой гвардии, разница между Преображенским полком и другими прославленными полками заключалась в том, что преображенцы были меньше известны своими попойками, а больше увлекались лошадьми и женщинами, слыли самыми отменными знатоками уставной службы и отличались безукоризненной выправкой на парадах. А вот как описывал времяпровождение своих однополчан В. П. Обнинский: «Пили зачастую целыми днями, допивались к вечеру до галлюцинаций... Так, нередко великому князю [цесаревичу Николаю] и разделявшим с ним компанию гусарам начинало казаться, что они уже не люди, а волки. Все раздевались тогда донага и убегали на улицу... Там садились они на задние ноги (передние заменялись руками), поднимали к небу свои пьяные головы и начинали громко выть. Старик буфетчик знал уже, что нужно делать. Он выносил на крыльцо большую лохань, наливал ее водкой или шампанским, и стая устремлялась на четвереньках к тазу, лакала языком вино, визжала и кусалась»

Характерный пример гвардейца – граф Вронский из «Анны Карениной». Кстати, таким офицером и стал цесаревич Николай. Этот тип офицера идеален для несения охраны монарха. В бою из гвардейского офицера будет отличный командир роты или эскадрона. Но вот доверить полк ему можно с большими оговорками, допустим, при действии в составе дивизии под руководством боевого генерала.

Русская гвардия, как правило, не участвовала в больших войнах, например, на Кавказе, в Средней Азии, в Китайской (1900 года), Японской (1904-1905 годов) и других войнах. В русско-турецкой войне (1877-1878 годов) участвовала лишь часть гвардии.

Сейчас неомонархисты, тот же Боханов, представляют Николая II умнейшим человеком, желавшим преобразовать Россию, знатоком театра, живописи, литературы и т. д. В качестве примеров приводятся многочисленные мемуары и воспоминания современников. Увы, все эти люди или обманывались, или позже хотели обмануть читателей. Николай II был прекрасно воспитан, умел держать себя в руках даже в самых сложных обстоятельствах, великолепно знал все правила этикета, воинские уставы, команды и т. д. Поэтому на балах и приемах, равно как на плацу и маневрах он производил благоприятное впечатление. Так что недалеким людям Николай мог показаться и очень умным, тем более что он сам хотел этому верить.

А что сказать о мемуарах эмигрантов, лишившихся родины, усадеб, денег, потерявших в Гражданской войне своих родных? Им прежняя жизнь казалась сусальной сказкой, а царь – святым.

Увы, на беду всем нынешним поклонникам Романовых остались дневники Николая, которые он вел ежедневно, начиная с 1 января 1882 года. Опубликована большая часть его

переписки с женой, матерью, императором Вильгельмом и т. д. И там нет ни одной умной мысли. Дошло до того, что наиболее оголтелые монархисты считают царские дневники и все письма подделкой большевиков.

Между прочим, еще в начале 1900-х годов один подобострастный издатель собрал все высказывания царя на официальных церемониях и банкетах и напечатал их. Причем, использовалась не прямая речь императора, а лишь документальный вариант, напечатанный в правительственных изданиях. И сразу же последовала реакция МВД – книгу изъять и весь тираж уничтожить.

Как уже говорилось, к началу XX века число великих князей и княжон приблизилось к двум десяткам. Понятно, что рассказ о них всех утомит читателя, и я остановлюсь лишь на двух кланах семейства Романовых – Владимировичах и Николаевичах, которые сыграют главную роль в нашем романе, да и в истории России их значение будет на порядок больше, нежели остальных членов семейства.

Кирилл Владимирович родился 1 (13) октября 1876 года в Царском селе, где была загородная резиденция великого князя Владимира, третьего сына императора Александра II. После смерти брата Александра Кирилл остался самым старшим из детей – Бориса, Андрея и Елены. Мать их, Мария Павловна (старшая), была дочерью Фридриха-Франца II, великого герцога Мекленбург-Шверинского.

Великий князь Владимир Александрович 14 августа 1884 года был назначен главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. В этой должности он оставался до 26 октября 1905 года.

Владимир Александрович любил изящные искусства, сам занимался живописью, был президентом Академии художеств и окружал себя актерами, певцами и художниками.

Согласно закону о престолонаследии, к началу XX века Кирилл Владимирович был вторым кандидатом на престол после великого князя Михаила Александровича, поскольку ни Михаил, ни его брат Николай не имели мужского потомства. Стариков Александровичей – Владимира и Алексея – всерьез к тому времени не воспринимали.

Летом 1892 года Кирилл поступил в Морской кадетский корпус. Летом следующего года он впервые выходит в море на настоящем, хотя и старом, боевом корабле – крейсере «Князь Пожарский». В 1886 году Кирилл заканчивает Морской корпус и по настоянию отца направляется на службу в... Красное Село под Петербург офицером гвардейского пехотного полка. Позже Кирилл напишет в воспоминаниях: «В то лето в Красном я с удовольствием посещал великолепные представления – комедии и балеты с участием актеров Императорских театров»⁶.

Лишь зимой 1896/1897 года Кирилл был записан в 1-ю роту Ее Величества и начал службу в Морской гвардии. В кампанию 1897 года он получил назначение на крейсер «Россия», уходящий на Дальний Восток. «Россия» на целое десятилетие осталась на Тихом океане, а наш молодой моряк, совершив вояж, сел в японском порту Йокогама на американский пароход и отправился домой к маме.

Замечу, что термин «вояж» – не ёрничанье автора над высочайшей фамилией. Крейсер «Россия» был новейшим кораблем, одним из самых крупных в Российском флоте. Как писал сам Кирилл: «„Россия“ была очень комфортабельным судном». Фактически это была туристическая прогулка, да и ценз надо было зарабатывать. После Крымской войны в Морском ведомстве решили отказаться от ежегодного производства офицеров и перейти к системе производства только на свободные вакансии, в основу производства положить морской ценз, по которому для получения следующего чина необходимо было пробыть определенное число

---

⁶ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб.: Лики России, 1996. С. 89.

лет в плавании (мичману полтора года, лейтенанту четыре с половиной года), а для получения чина штаб-офицера – командовать судном.

Понятно, что морской ценз надо было зарабатывать не в Финском заливе.

Андрей Владимирович родился 2 мая 1879 года. Получил домашнее образование и поступил в Михайловское артиллерийское училище, но его потянуло в юриспруденцию. Андрей поступает в Александровскую военно-юридическую академию. Действительная служба его начинается 8 августа 1898 года, когда он назначается в гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду подпоручиком, а в следующем году становится флигель-адъютантом императора.

Рассказ о Михайловичах я начну с их отца. Великий князь Михаил Николаевич был четвертым сыном императора Николая I. Михаил родился 13 октября 1832 года. В 13 лет его произвели в первый офицерский чин, а в 15 лет он поступил на действительную службу в 3-ю батарею 2-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады. В 20 лет Михаил был произведен в генерал-майоры и назначен генерал-фельдцейхмейстером.

Тут следует сделать небольшое отступление и попытаться объяснить, кто такой генерал-фельдцейхмейстер, тем более что это нам пригодится далее. Раскроем «Военную энциклопедию», том VII, страницу 233. Там сказано: «Генерал-фельдцейхмейстер, как титул начальника артиллерии и всего к ней относящегося»⁷. Как видим, написано коротко и неясно. При большевиках такие функции исполнял замнаркома по вооружению М. Н. Тухачевский. Но в отличие от замнаркома, права и обязанности генерал-фельдцейхмейстера никогда четко не были закреплены законом. Генерал-фельдцейхмейстер подчинялся императору, но не подчинялся военному министру, причем власть обеих тоже не была разграничена. Так, управление армией и флотом в России в XIX веке осуществлялось не по закону, а, как сейчас говорят, «по понятиям». Причем «понятия» эти определялись лично императором, генерал-фельдцейхмейстером и военным министром.

Самым приятным в должности генерал-фельдцейхмейстера была полная безотчетность в закупках вооружения. Таким образом, эта должность стала самой «хлебной» в империи. Екатерина Великая назначала на эту хлебную должность своих любовников, начиная с Григория Орлова (с 1765 года) и кончая Платоном Зубовым (с 1793 года).

Вступив на престол, Павел I немедленно вышвырнул вон Платошу и в сердцах вообще упразднил должность генерал-фельдцейхмейстера. Но 28 января 1793 года у Павла родился сын Михаил, и на радостях император произвел младенца в генерал-фельдцейхмейстеры. В этом звании великий князь Михаил Павлович и состоял до своей смерти в 1849 году.

Забегая вперед, скажу, что великий князь Михаил Николаевич состоял в должности генерал-фельдцейхмейстера целых 57 лет, то есть до самой своей смерти в 1909 году. В 1910 году обязанности генерал-фельдцейхмейстера были разделены между генерал-инспектором артиллерии и начальником Главного Артиллерийского Управления (ГАУ).

Понятно, что двадцатилетний генерал-майор не мог полноценно руководить всей русской артиллерией, и по приказу Николая I Михаил командовал только гвардейской конной артиллерией, то есть пятью батареями. А фактически должность генерал-фельдцейхмейстера исполнял инспектор артиллерии барон Н. И. Корф.

25 января 1856 года двадцатичетырехлетний Михаил вступил в исполнение обязанностей генерал-фельдцейхмейстера и был назначен генерал-адъютантом. 25 августа 1860 года великий князь Михаил Николаевич был произведен в генералы от артиллерии, а 6 декабря 1862 года назначен заместителем Кавказским и командующим Кавказской армией.

---

⁷ Военная энциклопедия / Под ред. В. Ф. Новицкого, А.В. фон-Шварца, В. А. Апушкина, Г.К. фон-Шульца, СПб, 1911—1915. Т. VII. С. 233.

Как можно было управлять артиллерией империи из Тифлиса, не имея ни железной дороги, ни телеграфной связи с Петербургом, понять невозможно. Но, увы, в многострадальной России и не такое бывало. Однако, несмотря на отсутствие генерал-фельдцейхмейстера, а, может, и в связи с этим, наша артиллерия в 1863—1867 годах делает невиданный в истории технический скачок и переходит от гладкоствольных пушек с деревянными лафетами образцов 1805-го и 1838 годов к нарезным пушкам образца 1867 года с клиновыми затворами и железными лафетами. А в начале 1877 года наша артиллерия вслед за Германией переходит на орудие образца 1877 года, то есть орудия с каналом современного образца. Идя в фарватере фирмы Круппа, русская артиллерия на 10—20 лет опередила страны Западной Европы. К примеру, британский флот перешел на казнозарядные орудия лишь в 1885—1886 годах. Но, увы, Михаил Николаевич никакого отношения к прогрессу в нашей артиллерии не имел.

От дел государственных мы перейдем к семейным делам великого князя Михаила Николаевича. В 1857 году он женился на принцессе Цецилии-Августе Баденской, получившей при переходе в православие имя Ольга Федоровна. В то время Великое герцогство Баденское было независимым государством. Оно располагалось на правом берегу Рейна и представляло собой полосу длиной в 265 верст и шириной от 17 до 135 верст. Герцогство находилось на границе с Францией и имело важное стратегическое значение. Таким образом, брак с Баденской принцессой, заключенный в 1857 году, имел политическое значение. Однако после франко-прусской войны 1870 года герцогство вошло в состав Германской империи, а власть великого герцога Баденского, как и других германских князьков, стала чисто символической.

14 апреля 1859 года в семье великого князя родился первенец, которого назвали в честь деда-императора – Николаем. Через год в семье Михаила Николаевича родилась первая дочь Анастасия, а затем вновь пошли сыновья. В 1861 году родился Михаил, в 1863 году – Георгий, в 1866 году – Александр, в 1869 году – Сергей и, наконец, в 1875 году – Алексей.

Детство детей великого князя Михаила Николаевича прошло на Кавказе. Мальчики росли красивыми, умными и чрезвычайно честолюбивыми. Отец решил передать свой «удел» – генерал-фельдцейхмейстерство – Сергею. Старший же сын Николай должен был стать главным командующим русской армии, а Александр – генерал-адмиралом.

Но две последние должности были уже заняты двоюродными братьями Михайловичей – великими князьями Николаем Николаевичем младшим и Алексеем Александровичем. Надо ли говорить, что уже в конце XIX века Николай Николаевич старший и Николай Михайлович, а также Алексей Александрович и Александр Михайлович стали злейшими врагами, и таковыми они останутся до конца своих дней.

В 1869 году великий князь Михаил Николаевич делает выгодную покупку и одновременно важный политический ход. Он первым из Романовых приобретает большой участок земли в Крыму рядом с царской резиденцией Ливадией. Формально покупка имения Ай-Тодор была подарком супруге Цецилии. Позже было прикуплено к 70 десятинам еще 130 десятин. В имении архитектор Краснов возводит несколько дворцов для Михаила и его сыновей. Имение Ай-Тодор имело общую границу с Ливадией, и попасть оттуда во дворец Александра II можно было пешком минут за двадцать.

Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Длинная лестница вела от дворца прямо к Черному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося мальчика моего возраста, который гулял с няней, державшей ребенка на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:

– Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По-видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года».

Глядя на очаровательную девочку, сидевшую на руках няни, Сандро не мог и представить себе, что через семнадцать лет Ксения станет его женой.

Подружился цесаревич и с Сергеем Михайловичем. Позже они служили в одном гвардейском полку. Юные гвардейские плейбои великий князь Сергей Михайлович и его сослуживцы по полку Воронцов и Шереметев организовали «картофельный клуб». Как-то я прочелopus ученой дамы, в котором с чувством рассказывалось, как они ходили в турпоходы и в золе жарили картошку. Увы, во Франции такой «картофель» называли «клубничкой». Вскоре в «картофельный клуб» вступает и наследник престола, будущий император Николай II. В его дневнике появляются частые упоминания о походах за «картофелем».

Глава 5. Красное Село

О первой встрече с Кшесинской цесаревич даже не упоминает в дневнике. Вот запись от 23 марта 1890 года: «Мы поехали на представление в Театральное училище. Нам показали небольшую пьесу и балет. Очень хорошо. Потом был ужин с воспитанницами».

Матильда же подробно описывает начало их взаимоотношений: «Посидев немного с нами, государь перешел за другой стол, а его место занял великий князь Михаил Николаевич. Потом к нам по очереди подсаживались старшие члены царского семейства, чтобы никого не обделить своей благосклонностью и вниманием.

Когда мы прощались с наследником престола, просидевшим весь ужин рядом со мной, мы смотрели друг на друга совсем иначе, чем в начале вечера. В наших сердцах уже начало зарождаться настоящее чувство, хотя тогда мы оба еще об этом и не догадывались.

Какая же я была счастливая, когда вернулась домой! Как радостно было видеть гордых моим успехом родных! Всю ночь я не могла сомкнуть глаз и, охваченная радостным возбуждением, мысленно возвращалась к событиям минувшего вечера.

На следующее утро мне нужно было рано встать и ехать в училище. У нас был маленький кабриолет, запряженный пони, которых мы в шутку прозвали «крысами Карабосс», феи из «Спящей красавицы». Когда я проезжала по улицам, мне казалось, что все люди смотрят только на меня, что я уже стала знаменитой, и все об этом знают.

Два дня спустя я шла вместе с сестрой по Большой Морской улице, и когда мы уже подходили к Дворцовой площади, нас неожиданно обогнал экипаж наследника престола. Увидев меня, он оглянулся и долго на меня смотрел.

Какая неожиданная и радостная встреча!

В другой раз, когда я шла по Невскому проспекту и проходила мимо Аничкова дворца, где в то время была резиденция императора Александра III, я снова увидела наследника престола. Он вместе с сестрой Ксенией Александровной стоял в саду на пригорке и из-за высокой стены, окружавшей дворец, наблюдал за проезжавшими по улице экипажами. Это была еще одна неожиданная и радостная встреча.

Шестого мая, в день рождения наследника престола, я украсила свою комнату маленькими флажками. Конечно, это было ребячество, но в тот день весь город был украшен флагами.

После этого я еще пару раз случайно виделась с наследником престола на улице».

22 апреля 1890 года, то есть еще до официального окончания училища, Кшесинская 2-я дебютировала в Мариинском театре в бенефисе Папкова. Почему 2-я? Да потому, что Кшесинской 1-й как в служебных документах театра, так и в прессе называли балерину Юлию. В царской армии еще с XVIII века в документах не писали имя-отчество офицеров и генералов, а лишь их фамилии с номером, например, Тучков 3-й. Причем 1-м был тот, кто первым поступил на службу. Эта система позже перекочевала и в балет, где, к примеру, Анна Павлова числилась Павловой 2-й.

Но вернемся к бенефису Папкова. Там Матильда впервые танцевала с опытным актером Николаем Легатом. Театральный критик Александр Плещеев, сын поэта Алексея Плещеева, писал: «Гвоздем программы бенефиса г. Папкова стали дебюты трех юных дочерей из многочисленного семейства Терпсихоры – мадемуазель Кшесинской, Скорсюк и Рыхлаковой. Мадемуазель Кшесинская в ра de deux из „Тщетной предосторожности“ произвела самое благоприятное впечатление. Полная грации, прелестная, с радостной детской улыбкой, она проявила недюжинные хореографические способности и мастерство зрелой балерины. У мадемуазель Кшесинской крепкие пуанты, на которых она отважно исполняет модные двойные пируэты. И, наконец, меня поразила удивительная точность движений молоденькой дебютантки и ее прекрасный стиль. Очень удачным партнером Кшесинской оказался господин Легат. Ра de deux

пользовалось огромным успехом, несмотря на то, что не так давно его исполняли г-жа Дзукки и г-н Гердт».

Вскоре Матильда выступила в дивертисменте, и Александр Плещеев вновь ее похвалил: «Снова блеснула мадемуазель Кшесинская. За несколько лет до дебюта она еще совсем маленькой девочкой выступала в „Пахите“ знаменитого исполнителя мазурки, и уже тогда ареопаг знатоков балета предсказал ей блестящее будущее. Особое внимание обратил на нее А. Гринев, и, как оказалось, он был совершенно прав».

Гринев был мужем балерины Екатерины Вазем и большим любителем балета. Когда танцевала его жена, он поражал публику громкими криками: «Браво, Катька!»

Известный критик Скалковский, говоря о дебютах Кшесинской, сравнивал ее с Виржинией Дзукки.

Летом Матильда, как и многие балерины, отправлялась в Красное Село на гастроли. Красное Село, находившееся в 25 верстах от Петербурга и в 12 верстах от Царского Села, еще со времен Екатерины Великой служило летним полевым лагерем гвардии. В 1851 года в Красном Селе по инициативе цесаревича Александра Николаевича был построен большой деревянный театр на каменном основании. В 1868 году по ходатайству великого князя Николая Николаевича старшего на месте старого театра построили новый. Средства были взяты из бюджета Военного ведомства.

Для увеселения офицеров гвардии, принимавших участие в летних маневрах, весь июнь и июль, а также первую половину августа в театре перед полевым ужином давали два спектакля в неделю – небольшую комедию и балетный дивертисмент.

Император Александр III периодически наезжал в Красное Село и посещал театр, что придало театру статус государственного.

В Красном Селе и рядом выросло несколько сотен дач. Петербургские дамы любили проводить лето в обществе гвардейских офицеров. Естественно, имелось множество дач с дамами полусвета или с «женской прислугой».

Нижние чины жили в палатках, а господа офицеры снимали дачи. Как писал Владимир Трубецкой в «Записках кирасира»: «Курьезные дела творились под Красным и Дудергофом, кишевшем веселыми военными людьми!» Сам Трубецкой, будучи всего лишь вольноопределяющимся, «как-то в праздник, загуляв с Танеевым в Питере, вернулись с ним в Красное в сопровождении духового оркестра Лиговской пожарной команды, который мы случайно перехватили на Балтийском вокзале. Нанятые и напоенные нами трубачи услаждали в вагоне наш слух до самого Красного к большому удовольствию молодых дачниц, любимые вещи которых мы приказывали исполнять, и к великому возмущению степенных дачных старичков, которые пытались составить на нас протокол, для чего приводили даже жандарма»⁸.

Из воспоминаний Трубецкого и Кшесинской следует, что в Красном Селе был сплошной праздник, что полностью соответствует действительности. Но, увы, верны и скупые строчки из дореволюционной «Военной энциклопедии»: «...существенным недостатком Красносельского лагеря было отсутствие канализации, которая имеется лишь в госпитале и лейб-гвардии Преображенском полку».

Понятное дело, в Преображенском полку служили цесаревич и несколько великих князей. Не мог наследник престола с... у канавы.

Расплата пришла в 1911 году, когда в Красном Селе вспыхнула эпидемия тифа, унесшая жизни более трехсот гвардейцев.

Кшесинская вспоминает: «После окончания училища 1 июня 1890 года меня включили в балетную труппу Императорских театров, и поэтому я была должна принимать участие в спектаклях, которые ставились в Красном Селе.

---

⁸ Трубецкой В. Записки кирасира. М.: Россия, 1991. С. 91, 101.

По сложившейся традиции, последнее представление в Красном Селе заканчивалось «Адским галопом», в котором принимали участие все артисты, выступавшие в тот вечер. Но едва мы приступили к репетиции, как вдруг в театре неожиданно появился великий князь Николай Николаевич-старший, который уже давно находился на заслуженном отдыхе. В молодые годы он был страстно влюблен в балерину Числову; у них родились двое сыновей, носивших отчество «Николаевич» и ныне служивших в лейб-гвардии Кавалерийско-гренадерском полку. Кроме них, у великого князя и Числовой, были еще две дочери; одна из них, настоящая красавица, вышла замуж за князя Кантакузена.

Когда много лет спустя приступили к ремонту театра и поставили строительные леса, в одной из женских головок, изображенных на настенном медальоне, узнали Числову. Под медальоном даже имелась надпись, которую издали не было видно.

Великий князь очень любил моего отца и балетмейстера Льва Ивановича Иванова и обращался к ним на «ты». Они тоже часто его навещали.

Во время репетиции «Галопа» великий князь, сидевший в царской ложе, вдруг остановил артистов и стал доказывать Иванову, что тот неправильно ведет «Галоп». Иванов настаивал на своем, и тогда великий князь вдруг выскочил на сцену и стал сам показывать, как это нужно делать.

Открытие сезона должно было состоять в день, когда главнокомандующий, великий князь Владимир Александрович, любимый брат императора Александра III, проводил на полигоне смотр.

Тот день я ждала с замиранием сердца, надеясь увидеться с наследником престола и, возможно, даже поговорить с ним во время антракта. Это было мое самое заветное желание. Согласно установившейся традиции, император и великие князья приходили во время антракта на сцену и разговаривали с артистами.

Мечта моя сбылась! Наследник престола пришел на сцену в день не только первого, но и всех последующих спектаклей. Мы подолгу с ним разговаривали, никого не замечая вокруг. Еще во время представления в училище я мечтала только о том, чтобы снова с ним увидеться, взглянуть на него хотя бы мельком, пусть даже издали. И вот теперь, когда мы могли разговаривать и смотреть друг другу в глаза, я чувствовала себя на седьмом небе.

В первый сезон в Красном Селе мне не давали сольных партий, и я танцевала в кордебалете вместе с другими, а моя уборная находилась на втором этаже. Один только раз, когда мне доверили исполнение сольного танца, я получила хорошую уборную внизу. Ее окна выходили на парадный вход, и я имела возможность, стоя у окна, беседовать с молодыми великими князьями и наследником престола.

Однажды вечером, перед балетным дивертисментом, я выбежала на сцену и едва не столкнулась с императором. Однако я успела вовремя остановиться и отвесить низкий поклон. Император добродушно усмехнулся и сказал: «Наверняка вы с кем-нибудь кокетничали».

Если смотреть со сцены, то император с семейством занимал левую ложу. Когда мест не хватало, члены императорской фамилии садились в первом ряду. Сам император всегда сидел в ложе у самой сцены, между двумя колоннами.

Счастливые летние дни, наполненные ничем не омраченной радостью и надеждой, пролетали очень быстро.

Император возвратился с полигона в Петергоф, где он всегда проводил конец лета. А я уже совсем потеряла надежду увидеться с наследником престола, так как он собирался в девятимесячное кругосветное путешествие. Как же мне тогда было тоскливо и одиноко!

Я полюбила наследника престола с первой нашей встречи. Во время летнего сезона, когда мы могли часто видеться и разговаривать, это чувство захлестнуло меня целиком и переполнило мою душу. Ни о чем другом я думать просто не могла. Мне казалось, что даже если он

меня не любит, то все же чувствует ко мне какое-то влечение. Невольно я предавалась самым безумным и несбыточным мечтам. Нам так ни разу и не удалось поговорить наедине, и поэтому я не могла узнать, как же он ко мне относиться. Об этом я узнала уже потом, когда мы с ним сблизились.

Теперь, когда с той счастливой поры прошло шестьдесят лет, мне предоставилась возможность прочесть дневники императора, изданные после переворота. В них были и записи, относящиеся к тому незабываемому лету в Красном Селе, когда он еще был наследником престола и нам никак не удавалось уединиться. Сердце меня не обмануло. Наследник престола действительно был мною увлечен».

Цесаревич действительно был увлечен, хотя безумной страсти не было и в помине. Вот выдержки из дневника Николая, написанные им в Красном Селе в 1890 году: «10 июля, вторник. Был в театре, ходил на сцену».

«17 июля, вторник. Кшесинская 2-я определенно мне нравится».

«30 июля, понедельник. Беседовал через окно с малюткой Кшесинской».

«31 июля, вторник. После вечернего чая в последний раз поехал в Красносельский театр. Попрошался к Кшесинской».

«1 августа, среда. В 12 часов состоялось освящение знамен. Стоял у театра, предаваясь воспоминаниям».

Но вернемся к воспоминаниям Матильды: «Тем же летом я как-то раз отправилась в Петергоф, чтобы навестить Марусю Пуаре. Целый день я надеялась встретиться на прогулке с наследником престола, но надеждам моим не суждено было сбыться.

Одним из сослуживцев наследника престола по полку был гусар Евгений Волков. Ему предстояло сопровождать наследника во время кругосветного путешествия. В то время у Волкова была связь с балериной Татьяной Николаевой. От нее я узнала, что наследник престола говорил Волкову о своем желании увидеться со мной перед отъездом. Он хотел, чтобы Волков устроил эту встречу. Но я тогда жила с родными, а наследник престола постоянно ходил с охраной, и наше свидание, разумеется, не могло состояться. Как-то раз наследник престола попросил меня через Волкова прислать свою фотографию. Но на последнем снимке я выглядела просто ужасно, а другого у меня тогда не было, поэтому я не смогла исполнить эту просьбу».

Несколько слов стоит сказать и о путешествии цесаревич. В начале 1890 года Александр III решил отправить сына в путешествие по странам Азии, а обратно царевич должен был возвращаться через Сибирь. Конечно, можно было отправить Николая на одной из многочисленных императорских яхт. Но Александр III решил иначе, и в 1886-1890 годах был построен крейсер-яхта «Память Азова» водоизмещением около 7000 тонн.

Несмотря на довольно мощное вооружение (две 203/35-мм и тринадцать 152/35-мм пушек) по внешним украшениям и внутреннему убранству «Память Азова» мог дать фору самой богатой яхте. На носовой части корабля красовались орден Святого Георгия, ленты с бантами, императорская корона, лавровый венок и пальмовые ветви. В отделке и оборудовании офицерских помещений широко применялись ценные породы древесины (красное, ореховое и тиковое дерево). Большое место на корабле занимали особые каюты для наследника престола и его свиты. Одна отделка этих кают обошлась казне более чем в 78 тысяч рублей. На шканцах, юте, шкафуте и всех мостиках были установлены специальные тенты для защиты от солнца и дождя. Уже по пути, в Англии, были закуплены дополнительные электрические вентиляторы. Там же закупили 700 электрических ламп и установили дополнительное освещение на верхней палубе.

Эти мероприятия вызвали перегрузку в 800 тонн. Посему с крейсера пришлось снять две 152-мм пушки, часть боекомплекта и другое оборудование. Все это было погружено на специальный пароход, отправленный заранее во Владивосток.

Вместе с цесаревичем в путешествие отправился и его брат Георгий. Свитой руководил генерал свиты Его Величества Барятинский. Компанию Николаю должны были составлять молодые гвардейские офицеры князя Оболенский и Кочубей и лейб-гусар Волков. Летописцем в свиту был зачислен князь Ухтомский. Позже он издаст книгу с описанием путешествия наследника. Увы, это была лишь пародийная летопись путешествия, к тому же еще прошедшая строгую цензуру самого цесаревича.

Николай со свитой выехали из Гатчины 23 октября 1890 года и по железной дороге через Вену доехали до Триеста. Александр III решил не мучить сына путешествием по северным морям. И действительно, по пути от Плимута до Мальты крейсер выдержал сильный шторм, который и смыл все дорогие носовые украшения.

26 октября Николай со свитой сели в Триесте на крейсер и отправились в Пирей в гости к греческому королю Георгу I и его жене Ольге Константиновне, внучке Николая I. В Пирее к путешественникам присоединился двоюродный брат Николая греческий принц Георгий. 7 ноября «Память Азова» покинула Пирей и через три дня прибыла в Порт-Саид. Затем по Суэцкому каналу крейсер дошел до Исфаилии. Там Николая приветствовал хедив (правитель) Египта Хусейн. Три недели цесаревич провел в Каире и в путешествии по Нилу.

Думаю, нет нужды перечислять достопримечательности, которые посетил цесаревич, встречи, обеды и т. д. Это все прекрасно описано у Ухтомского. Зато более веселая сторона путешествия совсем выпала из «жития Высочайших путешественников». Вот, к примеру, как описал Николай посещение русского консула в Луксоре. Консулом были наняты восточные танцовщицы. Николай и компания напоили их, и «они разделись и прodelывали все в костюме Евы. Давно мы так не катались со смеху, при виде этих темных тел, которые набросились на Пупи [брата Георгия]. Одна окончательно присосалась к нему, так что только палками мы его освободили от нее».

В общем, Николай по пути не пропускал ни одного борделя. Однако в Японии в небольшом городке Отц произошел неприятный инцидент – фанатик-японец ударил Николая саблей по голове. Рана была несерьезная, но Александр III повелел сыну немедленно возвратиться домой через Сибирь. И вот 4 августа 1891 г. Николай прибыл в столицу.

В сезон 1890-1891 гг. Кшесинская много танцевала. Пока ей не давали главных партий, но и на вторых ролях можно блеснуть: «В балете „Спящая красавица“ у меня было несколько выходов. В первом акте я исполняла партию доброй феи Кандиды, во втором – партию маркизы, а в последнем – танец Красной Шапочки с Серым Волком, который особенно нравился наследнику престола. Кроме того, как и другие молодые танцовщицы, я принимала участие во всех оперных постановках, включая танцевальные номера».

Согласно «Ежегоднику Императорских театров» за 1890-1891 годы, Кшесинская танцевала в 22-х балетах и 21-й опере.

Возвышенная любовь к цесаревичу – само собой, но и романов в сезон 1890-1891 годов хватало. Об этом балерина завуалировано писала в воспоминаниях: «После окончания училища мы с сестрой [Юлией] по-прежнему жили вместе с родными и могли бывать только у близких знакомых, да и то лишь в чем-нибудь сопровождении. Однако мы придумали свои способы обмануть бдительность родителей. Когда хотелось куда-нибудь пойти и развлечься, а уверенности в том, что нам это позволят, не было, мы говорили родителям, что приглашены друзьями или родственниками, к которым нам разрешалось ходить. Если нужно было ехать в вечерних платьях, то мы надевали пальто и только потом шли прощаться с родителями. По возвращении мы быстро снимали вечерние туалеты и, облачившись в ночные сорочки, желали родным спокойной ночи. Одним словом, ситуация была похожа на ту, что разыгрывалась в балете „Тщетная предосторожность“. Все это казалось таким захватывающим, а таинственность только придавала особую прелесть нашим похождениям. И все же это были обычные невинные забавы юности».

После завершения сезона крестный отец Матильды Стракач предложил ей съездить с ним за границу. Стракач был владельцем модного бельевого магазина «Артюр».

Вояж начался с французского курортного местечка Биарриц на берегу Атлантического океана. Затем, как и положено католикам, крестный и крестница посетили святыни в Лурде, где Матильда накупила массу образков для раздачи дома. В Милане они посетили знаменитый театр «Ла Скала», а далее – Рим, Неаполь, Флоренцию и, наконец, Париж.

А затем уже без Стракача Матильда едет в Монте-Карло. Куда? Естественно, в казино. С 250 франками балерина впервые садится за рулетку. Выигрыш, неудача и опять выигрыш. Последний раз она ставит на цифру 17 и выигрывает. Теперь 17 станет ее любимой цифрой, и в казино она будет ставить только на нее. Позже Кшесинскую прозовут «Мадам семнадцать». Увы, 17-й год станет для нее роковым.

Глава 6. Марьяжные хлопоты цесаревича

После возвращения цесаревича с Дальнего Востока он виделся к Кшесинской всего один раз в Красном Селе, а затем вместе с родственниками он уехал в Данию. Вернулся Николай только осенью 1891 года и видел Матильду лишь однажды, да и то случайно, на улице. Вторая встреча состоялась 4 января 1892 года на спектакле знаменитой шведской певицы Сандерсон, где присутствовали император и все венценосное семейство.

Александр III с цесаревичем сидели в первом ряду, а императрица и великие княгини – в царской ложе. Кшесинская сидела в одной из лож того же бельэтажа, где и царская семья. Во время спектакля Матильда вышла в коридор и на лестнице столкнулась с Николаем, который поднимался в царскую ложу. «Мы не могли остановиться и поговорить, – вспоминает Кшесинская, – так как вокруг было много народу. Но я была рада уже и тому, что увидела его так близко.

Я любила ежедневно совершать прогулки в кабриолете с кучером. На набережной мы часто встречались с наследником престола, который выезжал на прогулку в это же самое время. Но мы виделись только издали. Как-то раз у меня вскочил ячмень на глазу и огромный чирей на ноге. Несмотря на это, я продолжала ездить на прогулки, закрыв глаз повязкой. Однако из-за сильного ветра состояние глаза ухудшилось настолько, что мне все же пришлось провести несколько дней дома. Возможно, наследник престола заметил повязку, а потом и мое отсутствие.

В доме родителей у нас с сестрой были собственные апартаменты, состоящие из маленькой спальни и обставленной с большим вкусом гостиной. Наша спальня находилась рядом со спальней отца, а соединявшая их дверь была заставлена туалетным столиком.

Однажды вечером сестра куда-то вышла, и я сидела в полном одиночестве. Глаз все еще болел. Вдруг в прихожей раздался звонок, и я услышала, как горничная пошла открывать дверь. Через минуту она доложила о приходе гусара Волкова, которого я просила проводить в гостиную. Одна дверь вела в прихожую, а вторая – в гостиную. И вот в эту-то дверь вошел не гусар Волков, а наследник престола собственной персоной!

Я не поверила своим глазам, вернее, одному здоровому глазу, так как на втором была повязка.

Этот визит был настоящим чудом, и я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Наследник престола пробыл у меня недолго, но мы наконец-то оказались наедине и могли спокойно поговорить. Как долго я мечтала о встрече с ним, а она произошла так внезапно... На всю оставшуюся жизнь я сохранила в памяти волшебный вечер нашего первого свидания наедине.

На следующий день я получила от него записку: *Надеюсь, что глазок и ножка зажи- вают... Я хожу как угорелый. Постараюсь приехать как можно скорее. Ники.*

Это была первая записка от него. Она произвела на меня огромное впечатление. Я и сама была как угорелая.

Потом он часто мне писал. В одном из писем он обратился ко мне со словами Германна из знаменитой арии в «Пиковой даме»: «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой». Он очень любил мою роль в этой опере, где в первом акте была сцена, в которой я танцевала в костюме пастушки и в белом парике.

В другом письме он вспомнил о любви Андрия к польской панне из «Тараса Бульбы» Гоголя. Ради нее Андрий забыл обо всем на свете: об отце, о друзьях и даже о родине. Я не сразу поняла смысл слов наследника престола: «Вспомни, что сделал Андрий, полюбивший польскую красавицу».

Его первую записку я перечитывала сотни раз и выучила наизусть, а все письма хранила, как самое драгоценное сокровище.

После первого визита Ники стал бывать у меня часто. Потом начали приходиться и «Михайловичи» – так мы называли сыновей великого князя Михаила Николаевича: Георгия, Александра и Сергея. Мы очень славно проводили вечера. «Михайловичи» пели грузинские песни, которым научились на Кавказе, где их отец был наместником почти двадцать лет. Сестра тоже часто оставалась с нами. Так как я жила вместе с родителями, то, естественно, не могла ничего особенного предложить своим гостям. Правда, иногда мне удавалось подать им шампанское.

Ники часто приносил мне подарки, которые я поначалу не хотела принимать. Однако, видя, что это его очень огорчает, я изменила свое решение. Подарки, хотя и небольшие, были очень красивыми. В первый раз он преподнес мне золотой браслет с сапфиром и двумя крупными бриллиантами. На браслете были выгравированы две особенно дорогие и памятные мне даты – год нашей первой встречи в училище и год его первого визита ко мне: 1890—1892.

Однажды, когда наследник престола был у меня в гостях, у парадного входа кто-то позвонил. Горничная сказала, что приехал губернатор Петербурга, который должен видеть наследника престола. Наследник вышел в прихожую, а когда вернулся, то сообщил, что его ожидает император, которому доложили, что сын покинул дворец. Губернатор счел своим долгом уведомить об этом наследника престола, который тут же отправился к отцу в Аничков дворец.

Каждое воскресенье я бывала в Михайловском манеже на конных состязаниях. Моя ложа находилась прямо напротив царской. Наследник престола каждый раз присылал мне в ложу цветы, которые приносили два гусара из его полка – князь Петр Павлович Голицын, которого в шутку звали «Пикой Голицыным», и Пепа Котляревский. Их называли моими «адъютантами», а они меня – «своим ангелом». После скачек я возвращалась в кабриолете тихой Караванной улицей, которая вела к Аничкову дворцу, в надежде, что меня обгонит наследник престола, и я смогу еще раз на него посмотреть.

Двадцать пятого марта, на Благовещение, я присутствовала на параде кавалерийского полка по случаю полкового торжества. Я сидела в одной из лож для зрителей в конце манежа. Когда император со свитой проводил смотр полка, следовавший за ним наследник престола пристально посмотрел на меня. Его взгляд был полон любви, и я тоже не могла оторвать от него глаз.

Как-то раз наследник престола засиделся у меня почти до утра. Тогда он рассказал, что собирается за границу, чтобы встретиться с принцессой Алисой Гессенской, которую ему хотели сосватать. Потом мы еще много раз говорили на предмет его женитьбы и неизбежности нашей разлуки. Наследник престола привозил свой дневник, который вел довольно регулярно. Он зачитывал фрагменты, в которых говорилось о его переживаниях и чувствах ко мне и к принцессе Алисе. Вне всякого сомнения, он было мною очарован и очень дорожил нашими встречами. Я несколько не сомневаюсь в том, что он очень любил меня. Сначала он относился к принцессе довольно равнодушно и рассматривал помолвку и свадьбу как неизбежность. Однако он не скрывал от меня, что из всех предложенных партий ему больше всего подходит Алиса. Она все больше и больше нравилась наследнику, который решил сделать ее своей избранницей, если родители дадут на это согласие».

Я умышленно привел длинную цитату из воспоминаний Кшесинской, чтобы показать ее отношение к женитьбе Николая.

Дело в том, что в постперестроечное время в отечественной истории утвердился миф о неземной любви принца Ники к принцессе Алисе.

Тут я не буду вспоминать египетские, да и не только, бордели, роман цесаревича с Ольгой Долгоруковой и т. д., и т. п. Я предлагаю обратиться к документам – дневникам самого Николая, его письмам императрице Марии Федоровне и супруге. Итак, начнем по порядку.

1 июля 1862 года в летней резиденции королевы Виктории на острове Уайт состоялась свадьба ее дочери Алисы с Людвигом герцогом Гессенским.

Людвиг был ничем не выдающейся серой личностью, а Великое герцогство Гессен по площади не превышало хорошего уезда в Рязанской губернии.

Когда Алиса выходила замуж за герцога Людвиг, Гессен был независимым княжеством. А в 1866 году, с началом австро-прусской войны, Гессен вошел в состав Австрии. 29-летний Людвиг сражался против пруссаков, командуя всей гессенской кавалерией (несколько сот сабель). После разгрома Австрии Гессен потерял свою независимость и был принужден выплатить Пруссии большую (для столь малого княжества) контрибуцию.

После поражения в войне 1866 года к политическим унижениям прибавилась... бедность. «Выйдя замуж, Алиса принесла тридцать тысяч фунтов стерлингов приданного, но эта сумма наряду с большей частью личного состояния великого герцога ушла на строительство нового дворца в Дармштадте. Принцесса была вынуждена уволить часть прислуги и отказаться от намерений нанять новую. Она писала матери: «Приходится жить так скромно – мы никуда не ходим, мало кого видим – для того чтобы немного сэкономить... Мы продали четырех ездовых лошадей, осталось всего шесть. Две из них постоянно нужны придворным дамам для выездов в театры, поездок с визитами и так далее, так что нам порой приходится туго».

Как-то, в 1876 году, Алиса обратилась к матери с просьбой разрешить ей провести пару ночей в Букингемском дворце перед поездкой в Балморал – королевский замок, расположенный в Шотландии. Но королева ответила дочери отказом, заявив, что это слишком хлопотно для нее. Алисе пришлось признаться, что у нее нет иного выбора: она не состоянии платить за гостиницу»⁹.

К бедности прибавились и постоянные конфликты с мужем. Неудачное замужество и неблагоприятное окружение в Дармштадте начали сказываться на характере Алисы. Все чаще ее охватывали приступы меланхолии, случались нервные срывы, перемежавшиеся с периодами физического истощения и недугами. Ее здоровье неуклонно ухудшалось.

Не на пользу здоровью Алисы было и то, что в течение первых двенадцать лет замужества она родила семерых детей. Самая старшая, Виктория, родилась в 1863 году, потом, в 1864 году родилась Елизавета (Элла), Ирена – в 1866 году, Эрнст Людвиг – в 1868 году и Фридрих Вильгельм (Фритти) – в 1870 году. В 1872 году родилась Алиса, будущая императрица Александра Федоровна, и, наконец, в 1874 году появилась на свет Мария Виктория, прожившая всего четыре года.

После смерти сына Фритти великая герцогиня большую часть времени проводила в постели. С детьми, особенно с младшей Алисой, она говорила в основном о Боге, о смерти и о встрече с умершими близкими в загробном мире.

Весной 1884 года старшая сестра Алисы принцесса Виктория вышла замуж за своего кузена принца Луи Баттенбергского. Вскоре и принцесса Елизавета (Элла) обручилась с великим князем Сергеем Александровичем. Помолвка должна была состояться в Петербурге, и туда ожидалось прибытие всей семьи невесты. Вместе со всеми в Россию поехала и двенадцатилетняя Алиса. Красота города на Неве и грандиозность свадьбы поразили девочку. Уже тогда она обратила внимание на шестнадцатилетнего наследника престола. В свою очередь цесаревич Николай 8 июня 1884 года записал в своем дневнике: «Встретили красавицу невесту дяди Сережи, ее сестру и брата. Все семейство обедало в половине восьмого. Я сидел рядом с маленькой двенадцатилетней Аликс, и она мне страшно понравилась».

---

⁹ Кинг Г. Императрица Александра Федоровна. Биография. М.: Захаров, 2000. С. 20.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.